

**СВЯТОТЕЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

Свт. Филарет
митрополит Московский

Разговоры между
ищущим и уверенным
о Православии

Свт. Игнатий
епископ Кавказский

Слово
о ереси и расколе

Печатается по рекомендации
Издательского Совета
Русской Православной Церкви

Москва

2003

Содержание

Предисловие	3
Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	17
Глава V	23
Глава VI	29
Глава VII	37
Глава VIII	46
Глава IX	56
Глава X	63
Глава XI	72
Глава XII	83
Выписка из Окружного письма Фотия, патриарха Константинопольского к Восточным патриаршим престолом.	86
Святитель Игнатий Ставропольский Понятие о ереси и расколе	95

Каждый православный христианин должен знать учение нашей Матери Церкви, понимать, в чем отличие ее от различных человеческих сообществ, дерзающих также присваивать себе наименование церквей. Прочитав книгу, вы узнаете, почему спасение возможно только в лоне Православной Церкви. В качестве приложения в книгу вошло произведение святителя Игнатия Кавказского «О ереси и расколе»

Печатается по изданию: Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-Российской Церкви.
Митрополит Московский Филарет (Дроздов).
С дозволения Святейшего Правительствующего Синода. Москва. 1833 г.

Предисловие

Дух истинной христианской терпимости и миролюбия, благодатью Божией сохраняющийся в Русской Церкви, приводит к тому, что обычно в наставлениях, обращенных к народу, предметы, обсуждающиеся в споре между Православной Церковью и другими вероисповеданиями, объясняются не так подробно, как это делается последними, кои или слишком преданны, или не слишком доверяют своему учению.

Но так как люди, принадлежащие к ним, вследствие гражданской веротерпимости в России, повсюду встречаются с чадами Православной Церкви, то случается, что они внушают православным вещи несовместимые с достоинством Восточной Греко-Российской Церкви* с ее чистой древностью и сохраненной чистотой. Это подало повод к краткому и вразумительному изложению по достоверным источникам понятия о Православии в Церкви, которое дано в виде бесед. В виде бесед оно представлено отчасти потому, что при разборе споров такой образ

* То же, что сейчас Русская Православная Церковь.

изложения более естественен и вразумителен, отчасти и потому, что сочинителю не раз действительно случилось вести беседы такого рода.

К этому присовокуплена выписка из окружного письма патриарха Фотия, в котором он обличает перед Восточными патриаршими престолами отступление римской церкви от чистоты древнего вероисповедания и церковных правил. Пускай этот спор говорит сам за себя.

Впрочем, сочинитель предлагаемых здесь бесед, имея желание по наставлению апостола, содействовать тому, чтобы простые души могли быть сохранены от злых делателей, старался и сам хранить себя от отсечения неверных (см. Флп. 3, 2), то есть не подавать со своей стороны повода к разделению и вражде между верующими во Единого Бога Отца, и Сына, и Святого Духа.

Будем, единоверный читатель, беречься таких «делателей веры», которые уведут нас от Христа к какому-нибудь земному учителю, но постараемся со всеми хранить мир, который, по моему мнению, является венцом нашей Церкви.

* * *

Церковь называется Соборной потому, что находится во всей вселенной, от края до края земли, что повсеместно и в полноте преподает все то учение, которое должны знать люди, — учение о вещах видимых и невидимых, небесных и земных, что весь род человеческий приводит к истинной вере — начальников и подчиненных, ученых и простых людей, и что повсеместно врачует и исцеляет все роды грехов, сотворенных душой и телом, имеет в себе всякий вид совершенства, являющегося в делах, словах и во всяких духовных дарованиях.

Святитель Кирилл Иерусалимский

Глава I

Испытующий: Я ищу истины. Я желаю быть в истинной христианской Церкви. Я желаю получить спасение.

Уверенный: Если эти желания искренни, то Сам Господь отвечает тебе: *Я, — Путь, и Истина, и Жизнь* (Ин. 14, 6). *Где двое или трое собраны во имя Мое, тут и Я посреди них* (Мф. 18, 20).

И.: Но сейчас многие общества, различные между собой, собираются во имя Христово. К какому же из них мне присоединиться?

У.: А разве ты не принадлежишь ни к какому из них?

И.: Если рассмотреть чувства и расположения моего сердца, то должен признаться: я не знаю, как на это отвечать.

У.: В каком христианском обществе ты получил первое познание Бога и Христа?

И.: В Восточной Греко-Российской Церкви.

У.: Разве поэтому ты не соединен с этой Церковью хотя бы некоторыми узлами благодарности?

И.: Больше, чем одной благодарностью. Я соединен с нею принятием от нее таинств, данным ей при Крещении, и обязательством исповедания ее учения.

У.: Хорошо. Но я хотел бы прежде поговорить о твоей благодарности. Разве ты уже заплатил этот долг полностью?

И.: Наоборот, у меня не было для этого средств.

У.: У тебя всегда есть средства для этого — в послушании.

И.: Я готов к искреннему послушанию Восточной Церкви, если удостоверюсь, что ее власть надо мной угодна Богу. Ибо *повиноваться Богу подобает более, чем людям* (Деян. 5, 29).

У.: Мне кажется, и апостольские слова означают, что мы, чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо власти на земле, должны делать это ей до тех пор, пока она не требует от нас того, что Бог запрещает.

И.: Справедливо.

У.: Но чего требует от тебя Восточная Церковь?

И.: Я думаю, того, чтобы я верил, как она верит, и жил, как она заповедует.

У.: Иначе говоря: чтобы ты верил и жил так, как она исповедует в Никейско-Цареградском Символе веры и учит в десяти заповедях. Теперь ответь: запрещает ли Бог веровать и жить так, как исповедует наша Церковь в Никейско-Цареградском Символе и учит в десяти заповедях?

И.: О заповедях спора нет, если только, Восточная Церковь не истолковывает какой-нибудь заповеди таким образом, что это уничтожает или даже ослабляет силу закона Божия.

У.: Этого ты можешь не опасаться. Поскольку Восточная Церковь предоставляет истолкование закона твоему собственному рассуждению и совести,— ибо не должно быть слепой веры,— однако только при помощи учителей Церкви и под руководством

Слова Божия. Она не имеет самовластного истолкователя своего учения, который бы придавал своим истолкованиям важность догматов веры и время от времени накладывал на совесть христианскую новые бремена.

И.: Я сказал, что нет спора о заповедях. Но вопрос, запрещает ли Бог веровать так, как исповедует Восточная Церковь в Никейско-Цареградском Символе, мне кажется неясным.

У.: Скажем яснее: есть ли в Символе Восточной Церкви что-нибудь такое, что не является чистой истиной, открытой Богом?

И.: Я хочу слышать доказательство того, что все содержащееся в этом Символе Восточной Церкви — чистая истина, открытая Богом.

У.: Все, не только истины, но даже все важнейшие слова и выражения, содержащиеся в Символе Восточной Церкви, взяты из Св. Писания, которое содержит чистую истину, открытую Богом. Одно слово: «Кафолическую», в славянском переводе — Соборную, не так легко, как прочие, может быть выведено из Св. Писания, но это слово содержит в себе не столько сущность, сколько объяснение догмата.

И.: Мне приходит в голову, что мысль, которую я высказал выше, требует исправления. Я сказал, что чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо власти на земле, мы должны повиноваться ей до тех пор, пока она не требует от нас того, что Бог запрещает.

У.: Как же хочешь ты это исправить?

И.: Мне кажется, правильнее сказать так: признанной власти мы должны повиноваться до тех пор, пока она не требует того, что Бог запрещает, и не запрещает того, что Бог повелевает.

У.: Пусть будет так. Теперь я должен предложить тебе вопрос: запрещает ли Восточная Церковь то, что Бог повелевает?

И.: Что касается нравственного учения Восточной Церкви, я уже сказал, что нисколько не сомневаюсь в нем. Но что касается учения веры, я не знаю, не исключает ли она из своего Символа некоторых важных истин и таким образом не запрещает ли верить тому, чему Бог верить повелевает.

У.: Само собой разумеется, Символ запрещает верить тому, что противоположно содержащимся в нем истинам, например, тому что Бог не есть Троица, ибо всякая истина исключает то, что ей противоположно. Кроме этого, Восточный Символ ничего не запрещает и не исключает. Ты говоришь в нем: «Верую, исповедую», но ни разу не говоришь: «Не верую, обязуюсь не исповедовать».

И.: Разве я могу верить и тому, о чем не говорит Восточный Символ?

У.: Можешь верить и тому, о чем он не говорит, но что ясным или сокровенным образом заключается в Св. Писании, а следовательно, и в духе сего Символа.

И.: Приведи пример.

У.: Например, ты говоришь в Символе: «Исповедую едино Крещение», а не говоришь: «Исповедую Таинство Тела и Крови Христовой», однако можешь и должен верить последнему вместе с первым.

И.: Понимаю. Ты хочешь сказать, что поскольку Символ, утверждая известные истины, не исключает или не опровергает этим других, которые от слова до слова не содержатся в нем, то, следовательно, он не запрещает верить ничему такому, чему Бог верить повелевает. Но для того, чтобы удостовериться в православии той Церкви, в которой я нахожусь,

мне нужен особый признак, который бы показывал, что и особый дух этой Церкви — от Бога, истекает из Истинного Духа Христова, соответствует Духу Христову, ведет меня к соединению с Духом Христовым, и ведет прямым и верным путем.

У.: Что значат слова: «прямой и верный путь к соединению с Духом Христовым»?

И.: Это значит чистое учение, руководствующее к соединению с Духом Христовым.

У.: Следовательно, желаемое тобой испытание может быть ограничено таким вопросом: преподает ли Церковь, в которой ты находишься, такое учение? Что такое чистое учение?

И.: Это учение, которое содержит только истину без примеси лжи.

У.: Может ли быть ложь в том учении, которое не обязывает верить тому, чему Бог запрещает верить, и не исключает того, чему Бог верить повелевает?

И.: Разумеется, тут не будет лжи.

У.: Следовательно, вместо вопроса: преподает ли Церковь чистое учение,— можно задать следующий: точно ли Церковь в своем учении не обязывает верить тому, чему Бог запрещает верить, и не исключает того, чему Бог верить повелевает?

И.: Теперь я вижу, почему ты в исследовании Восточной Церкви ограничился такими простыми вопросами, что с первого взгляда они не обещали ей твердой защиты.

У.: Остановимся здесь и повторим истины, которые ты или сам произнес, или признал. Ты сказал, что ты соединен с Восточной Церковью и готов к искреннему послушанию ей, если ее власть над тобой угодна Богу. Ты признал, что мы, чувствуя себя обязанными повиноваться какой-либо власти на земле, должны повиноваться ей как данной от Бога, до тех

пор пока она не требует того, что Бог запрещает, и не запрещает того, что Бог повелевает. Ты не стал спорить о том, что Восточная Церковь в нравоучении не требует ничего богопротивного и не запрещает ничего богоугодного, что и в исповедании веры она предлагает чистую истину и не заставляет верить тому, чему Бог запрещает верить, и не возбраняет верить тому, чему Бог верить повелевает. Это ясно доказал я из Символа, заключающего в себе Дух Восточной Церкви. Смотри сам, какой отсюда можно сделать вывод.

И.: Моя неопытность в подобных исследованиях не позволяет мне удостовериться, что я правильно вник во все эти рассуждения, и что их сила заключается в них самих, а не в моей слабости.

У.: Я запишу весь настоящий разговор, и ты можешь свободно поразмышлять о нем, призвав на помощь Духа Истины.

Глава II

У.: Ты сказал, что, судя по чувствам и расположению твоего сердца, ты не знаешь, к какой Церкви принадлежишь.

И.: Я искренно признался в своем недоумении.

У.: Но ты сказал между прочим, что соединен с Восточной Церковью принятием от нее Таинств.

И.: Пока у меня не возникли сомнения, союз верующего с Церковью посредством Таинств, от нее принимаемых, казался мне самым священным союзом.

У.: Но разве твои сомнения имеют силу и власть разрушить или сделать ничего не значащим союз, утвержденный и освященный благодатью?

И.: В сомнении в важности неизбежно Церкви заключается сомнение в важности самих Таинств, которые она преподаает.

У.: А мне, напротив, кажется, что в доказательстве важности Таинств, преподанных тебе Восточной Церковью, ты мог найти такое достоверное свидетельство о важности твоего союза с ней, которое сохранило бы тебя от оскорбительных для нее сомнений.

И.: Объясни мне это.

У.: Возьмем для примера Крещение. Верить ли ты, что это Таинство совершено над тобой правильно?

И.: Ничто не препятствует мне этому верить. Ибо Таинство Крещения всегда правильно, если только совершается во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

У.: Апостол говорит: *Те, кто во Христа крестись, во Христа облеклись* (Гал. 3, 27). Совершилось ли над тобой и это последнее?

И.: Верю, что и это благодатью Божией совершилось в моем Крещении, но, испытывая свою совесть, не могу сказать, что я сохранил в целостности это Божественное облачение.

У.: Прости мою, может быть, дерзновенную ревность, если я воспользуюсь твоим признанием для твоего обличения. Ты чувствуешь и признаешься, что не сохранил благодати Крещения, следовательно, так как твоя потеря и опасность для тебя заключается в тебе самом, то в тебе же — и предмет спасительного подвига. Но вместо этого ты со своими сомнениями восстаешь против Церкви, подательницы благодати. Ты получил сокровище, утратил его, должен его искать, а вместо этого ты начинаешь испытывать, правой ли рукой оно тебе подано?

И.: Ты обличаешь меня так, как если бы знал достоверно, что я только испытываю Церковь, а не беспокоюсь о внутреннем исправлении самого себя.

У.: Правда, я не могу видеть твоего внутреннего состояния, но мы иногда недостаточно проникаем и в глубины собственной нашей души. Одно слово Божие *судит помышления и мысли сердечные* (Евр. 4, 12). Станем же перед судом этого слова. Иисус Христос говорит: *Если кто хочет творить волю Божию, узнает об этом учении, от Бога ли оно* (Ин. 7, 17). Следовательно, если кто не *узнает об учении, от Бога ли оно*, недоумевает, от Бога ли то учение, которым он долгое время оглашаем, православная ли та Церковь, в которой он живет, тот обязательно должен себя заподозрить, точно ли он *хочет творить волю Божию*, предвратил ли он желание понимания желанием внутреннего исправления себя и верно ли подвизался ради такого исправления?

И.: При помощи Божией я всячески постараюсь поддерживать в себе живое стремление внутренне себя исправить и творить волю Божию, чтобы самому себе не поставить вечной преграды для понимания истины.

У.: Но возвратимся к неоконченному рассуждению о Таинстве Крещения. Ты сказал, что получил в преподанном тебе Восточной Церковью крещении благодать, но не сохранил ее в целостности, однако ты, без сомнения, знаешь, что для возвращения ее тебе не нужно новое Крещение.

И.: Знаю.

У.: Если тебе не нужно второе Крещение, то не можешь ли ты думать, что благодать Крещения не совсем оставила тебя?

И.: Могу думать и так, но более думаю, что могу вернуть эту благодать другими Таинствами,

например, покаянием, которое Церковь и называет вторым Крещением.

У.: Но если бы над тобой не было совершено Крещение, тогда тебе нужно бы было и Крещение, и покаяние вместе, а теперь покаяние без крещения. Поэтому можно заметить, что Крещением ты приобрел нечто такое, что не нужно приобретать повторно.

И.: Возможно, это значит то, что я со времени Крещения, если и не здоровый, то, по крайней мере, немощный или хотя бы мертвый, но уже член тела Христова.

У.: Так и мне кажется, что этим только предположением можно объяснить можно неповторимость Крещения. Как член живого тела никогда не перестает быть членом, за исключением случаев безвозвратного отсечения и совершенной смерти, так и человек, облекшийся в Крещении во Христа, никогда не перестает быть членом тела Христова, за исключением случаев безвозвратного отпадения Церкви Христовой и обречения себя на вечную смерть.

И.: Согласен.

У.: Извлечем теперь из этого понятия о силе и важности Таинства Крещения, преподанного тебе Восточной Церковью, несколько мыслей о твоём отношении к ней.

Ты признаешь, что посредством крещения ты стал членом Тела Христова в то же время, как стал членом Восточной Церкви, и опять не знаешь, к какой Церкви принадлежишь, а только еще выбираешь, к какой бы лучше присоединиться. Не похоже ли это на то, как если бы член тела оторвался от места, которое занимал, и стал искать себе новое?

Тем действием, которым ты вступил в союз с Русской Церковью, ты насажден, как член в Теле Христовом. Не ясно ли, что в этой видимой Церкви

таинственно находится невидимое тело Христово или часть этого тела, составленного из верующих, живущих во все времена и в разных местах? Подумай же, что тебе приличнее: стараться верой пребывать в духовном общении со святыми или с недоверчивостью искать иной внешней Церкви, которая была бы тебе по мысли?

Посредством поместной Церкви ты соединен с Вселенской Церковью Божией и теперь восстаешь против первой сомнениями ума и чуждыми любви расположениями сердца. Не подобно ли это тому, как если бы палец задумал отсечь от тела руку или другую большую часть?

Церковь, которая из язычника сделала тебя христианином, от Самого Христа получила власть *уравнять тебя с язычником и мытарем, если ты ее не слушаешь* (Мф. 18, 17). А ты хочешь один всю эту взывавшую тебя Церковь бросить в число язычников и мытарей.

Союз между частями одного тела может быть разрушен только смертью или целого, или некоторых частей. Ты готов разрушить союз твой с Греко-Российской Церковью, с которой был слит в одно тело во Христе. Неужели ты мог уверить себя, что вся Церковь поражена смертью,— та Церковь, которая была для тебя подательницей жизни в Таинствах, принятых тобой от нее?

И.: Признаюсь, я встречал людей, которые внушали мне мысль о том, что Церковь ложная.

У.: Судя по тому, что я от тебя слышал, я могу добавить к твоему признанию, что эти внушения теснили твое сердце и лишили слуха, хотя ты, может быть, недостаточно замечаешь в себе это.

И.: Я, кажется, слушаю без предубеждения.

У.: А я сомневаюсь, можно ли слушать без

предубеждения, когда предубеждением занято сердце?

И.: Что же я должен делать?

У.: Стараться замечать за собой и смотреть, не потому ли ты сомневаешься, что желаешь сомневаться или чрезмерно полагаешься на того, кто возбуждает в тебе сомнения?

И.: Не думаю, чтобы такое случилось со мной.

У.: Испытай тщательнее, не это ли самое является причиной того, что тебя занимает мысль: не ложная Церковь ли Церковь?

И.: Желал бы я иметь оружие против этой мысли.

У.: Слово Божие — духовный меч. Оно говорит: *Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына* (1 Ин. 2, 22). Видишь ли, кто лжив по отношению к христианству? Тот, кто не признает Иисуса Христом, Сыном Божиим, Богочеловеком, Искупителем. Следовательно, и ложная церковь — та, которая не признает Иисуса Христом, Сыном Божиим, Богочеловеком, Искупителем, — церковь антихристовая. Но Церковь, следуя истинному слову Божию, исповедует Иисуса Христом, Сыном Божиим, Богочеловеком, Искупителем.

И.: Этим оружием может защищаться и другая христианская церковь. Так разве я должен почитать истинной, например, и римскую церковь?

У.: Ты непременно хочешь заставить меня судить. Христианская Церковь может быть либо чисто истинная, исповедующая истинное и спасительное Божественное учение без примеси ложных и вредных человеческих мнений, либо нечисто истинная, примешивающая к истинному и спасительному учению веры Христовой ложные и вредные человеческие

мнения. Это различие употребляет апостол, когда говорит: *ибо мы не так, как многие, нечисто проповедующие слово Божие, но проповедуем чисто, как от Бога* (2 Кор. 2, 17). Что касается Церкви Восточной, я доказал еще прежде, что ее Символ содержит чистое учение.

Глава III

У.: Ты сказал, что соединен с Церковью обязательством, данным ей при Крещении, исповедания ее учения. Как ты дал это обязательство?

И.: Я думаю, что Восточный Символ веры, который от моего лица произнесен при Крещении восприемником,— это род присяги, по которому я обязался исповедовать заключенное в этом Символе учение Восточной Церкви.

У.: Справедливо. Но не дал ли ты в то же время обязательства всегда повиноваться Восточной Церкви?

И.: Как это?

У.: Когда от твоего лица были произнесены слова: «Верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь»,— то какой смысл они имели? Этот ли, например: «Я верую, или обещаю веровать во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, за каковую, впрочем, Церкви Восточной не признаю, но которую буду искать когда и где пожелаю»? Или этот: «Я обещаю веровать в истинную Церковь, которой Церковь является, к которой она принадлежит»?

И.: Без сомнения, Церковь принимала мое обязательство в этом последнем смысле, а без этого она и не согласилась бы преподать мне Крещение.

У.: Итак, можно сказать одним словом, что ты дал клятву в верности Церкви.

И.: Я не понимал этой клятвы, когда ее давал.

У.: Так ты думаешь, что и не связан ею?

И.: По крайней мере, не обязан так строго исполнять ее, как ты хочешь.

У.: Что значит не строго исполнять клятву? Что-то исполнить, а что-то оставить? Следовательно, в одном сохранить клятву, а в другом преступить? Клятва в своей связующей силе — дело Божие, а дело Божие творить небрежно особенно страшно: *Проклят творящий дело Господне с небрежением* (Иер. 38, 10).

И.: Разумение моей клятвы зависело не от меня, а от восприемника.

У.: Однако ты думаешь, что получил полное право, даруемое Крещением.

И.: Ну и что?

У.: Следовательно, ты дал и полную клятву, при условии которой тебе дано право Крещения.

И.: А что, если бы мой восприемник от моего лица дал клятву исповедовать ложный догмат?

У.: Обязательство потеряло бы силу, как только ты узнал бы, что требуемое им противно Богу. Но Восточная Церковь не требует от тебя ничего богопротивного.

Глава IV

И.: Я сомневаюсь в том, чисто ли Восточная Церковь исповедует догмат о происхождении Святого Духа.

У.: *Слова Господни — слова чистые* (Пс. 11, 7). Восточная Церковь исповедует догмат о происхождении Святого Духа самими словами Господа Иисуса Христа, сказанными Им апостолам: *Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истинный, Который от Отца исходит, и Он свидетельствует*

обо Мне (Ин. 15, 26). Что же может быть чище этого исповедания, ибо сами слова Иисуса Христа: *Который от Отца исходит*,— богомудрыми Отцами второго Вселенского Собора поставлены в Символе веры.

И.: Это происхождение догмата настолько ясно, что, по-видимому, не оставляет места для спора, однако сам догмат является предметом спора между Восточной Церковью и западной.

У.: Да, за то, что мы слово в слово повторяем в нашем Символе веры догмат, принятый из уст Самого Иисуса Христа, учителя отделившейся западной церкви называют нас раскольниками и хотят, чтобы мы сделали прибавление к словам Иисуса Христа и говорили бы: «Который от Отца и Сына исходит».

И.: Может быть, западная церковь считает, что Церковь Восточная, хотя и исповедует догмат о происхождении Св. Духа словами Самого Иисуса Христа, но неправильно понимает эти слова или не дает им нужного пояснения.

У.: Разберем оба подозрения.

Во-первых, ты сомневаешься в том, правильно ли Восточная Церковь понимает слова Иисуса Христа о происхождении Св. Духа? Но не замечаешь ли ты, что богомудрые Отцы, составившие Символ веры, как бы предвидели это подозрение и предупредили его? Они не ввели в Символ собственного толкования на слова Христовы, чтобы совсем не возникало этого вопроса, правильно ли эти слова толкуются, но оставили их, предоставляя здравому смыслу каждого христианина понимать их в прямом значении.

Во-вторых, ты думаешь, не виновна ли Восточная Церковь в том, что не дает нужного пояснения словам Иисуса Христа о происхождении Св. Духа? Но Иисус Христос, когда сказал апостолам, что *Дух*

Истины от Отца исходит, не посчитал нужным дать этим словам никакого пояснения. Следовательно, и Восточная Церковь, повторяя те же слова в Символе веры, не опускает никакого нужного пояснения. И разве только пояснения требует в этом случае западная церковь?

И.: А чего же?

У.: Например, если я скажу: «Дух Святой от Отца исходит», то есть от Отца и Сына»,— какое же тут пояснение? Не прибавление ли это нового понятия, которого не было в прежних словах? Кто же может делать прибавления к словам Иисуса Христа, особенно в таком непостижимом деле, как происхождение и взаимное отношение Ипостасей Св. Троицы, во внутреннейшем Святилище Божиего Естества?

И.: Я согласен, что в исповедании веры мы не должны делать догадок, а тем более произвольных прибавлений к слову Божию. Но не стоит ли к словам Иисуса Христа, о которых сейчас идет речь, заимствовать нужное прибавление из других Его же слов?

У.: Что ты имеешь в виду?

И.: Когда Иисус Христос говорит о Святом Духе: *Я пошлю*,— не значит ли это, что Дух Святой исходит и от Сына?

У.: Что значит: *Я пошлю*? Ты можешь спросить Самого Иисуса Христа о том. *Я*,— говорит Он в той же беседе с апостолами,— *умолю Отца, и много Утешителя даст вам* (Ин. 14, 16). Видишь, что: *Я пошлю от Отца* — значит: *Я умолю Отца, чтобы дал*. Итак, Иисус Христос приписывает Себе, как говорят богословы, не вечное исхождение Св. Духа, или не вечное начало Ипостаси Его, но Его временное посылание, или раздаяние даров Его. Но и это Он приписывает Себе не как собственное право, но как власть,

заимствованную Им от первичной ипостаси Отца: *пошлю от Отца.*

И.: Некоторые, наоборот, говорят, что слово «исхождение» означает изливание даров Святого Духа, временное посылание.

У.: Если ты хочешь видеть, правильно ли это толкование, то приложи его к словам Иисуса Христа: *Придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит,* то есть посылается. Не видишь ли, как это толкование обезображивает речь, делая ее беспорядочной?

И.: Как же можно правильно истолковать приведенные слова Иисуса Христа?

У.: Для этого заметим прежде всего,— и ты можешь проверить это замечание, читая всю беседу Иисуса Христа с апостолами, из которой взяты эти слова,— что намерением Господа было утешить Своих апостолов перед разлукой, в этом духе Он и говорит: *Придет Утешитель.* Оба слова неопределенны и еще не дают слышащим полного утешения. *Придет* Откуда придет? Куда придет? Не чуждо ли будет апостолам это пришествие? *Утешитель* Кто этот Утешитель? Не человек ли, исполненный Духа Божия? Не Ангел ли? Может ли этот Утешитель восполнить их лишение Сына Божия? На эти вопросы затем и отвечает Иисус Христос.

Куда придет? Верно, к апостолам: *Я пошлю вам.* Но человек или Ангел будет послан? Нет, *пошлю* не из людей и не из Ангелов, а *от Отца.* Но это разрешение недоумений, вызванное первыми двумя словами, рождает новую, еще более трудную загадку: кто этот Великий Утешитель, Которого Сын Божий пошлет от Бога-Отца? Что означает, что Сын Божий, Которому по Воскресении *даться всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), в это самое

время пошлет Утешителя не просто Своей Божественной властью, а *от Отца?*

Чтобы разрешить это недоумение, Иисус Христос открывает, наконец, самое существо Утешителя: *Дух Истины, Который от Отца исходит.* Он как бы говорит: «Я сказал: *пошлю от Отца,*— потому что пошлю не сотворенного и Моей власти покорного духа, но Духа, Который от Отца имеет вечное начало Божественно Своей Ипостаси».

И.: Но Иисус Христос говорит также о Св. Духе: *от Меня примет* (Ин. 16, 14).

У.: Добавь к этим словам следующие за ними — и увидишь, для чего они сказаны: *от Меня примет и возвестит вам.* Видишь, что Св. Дух примет от Сына Божия или как бы позаимствует из собственности Сына Божия, который уже был Учителем апостолов, то, что возвестит им, то есть истину и учение. Выше, в той же беседе Иисуса Христа, сказано: *Когда же придет Он, Дух Истины, наставит вас на всякую истину, ибо не от Себя будет говорить, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам* (Ин. 16, 13). Все это не относится к вечному происхождению Ипостаси Св. Духа.

И.: Сын Божий говорит: *Все, что имеет Отец, и Мое* (Ин. 16, 15). Следовательно, и происхождение Св. Духа — *Его есть,* или от Него зависит так же, как и от Отца.

У.: Сын Божий говорит взаимно и Своему Отцу: *Все Мое — Твое* (Ин. 17, 10). Однако ты не делаешь из этого вывода о том, что и воплощение — *Отца,* или принадлежит Отцу так же, как Сыну. Так же мало можешь полагаться и на твои прежние выводы о Св. Духе.

И.: Апостол называет Св. Духа *Духом Сына* (Гал. 4, 6).

Глава V

У.: Чтобы правильно понимать это название, возьмем апостольские слова: *Послал Бог Духа Сына Своего в сердца ваши*. Видишь, что здесь говорится о Духе Святом не в строжайшем значении этого имени, не так, как о вечной ипостаси Божества, но о дарах Духа Божия, посылаемых в сердца человеческие. На эти дары воплощенный Сын Божий Своей заслугой приобрел от Бога Отца, так сказать, право собственности, по которому властен раздавать их людям, вне Его заслуги чуждым всего Божественного. Эта мысль ясно выражена пророком Давидом, который обращается к воплотившемуся и по уничтожении еще более превознесенному Сыну Божию: *Ты взошел на высоту, пленил плен, принял дары людьми, или ради людей* (Пс. 67, 19). Поэтому не удивительно, что эти дары, или дары Св. Духа, приобретенные и подаваемые людям заслугой Сына Божия, называются *Духом Сына Божия*, и, следовательно, это выражение не дает понятия о вечном начале ипостаси Св. Духа.

И.: Сын Божий дуновением преподает Св. Духа (Ин. 20, 22). Следовательно, Дух Святой исходит и от Сына.

У.: Апостолы рукоположением преподают Св. Духа (Деян. 8, 17). Следовательно, Дух Святой происходит и от апостолов? Вот опять два совершенно тождественных умозаключения, и, если последнее неправильно, то и первое неверно.

И.: Что же ты, наконец, скажешь об исхождении Св. Духа от Сына?

У.: То же, что и древняя Восточная и Вселенская Церковь в своем Символе, то есть ничего.

И.: Мне говорили, что блаженный Августин хорошо объясняет таинство Св. Троицы и происхождение Св. Духа через сравнение Ипостасей Божества с некоторыми действиями человеческой души. Не знаешь ли ты об этом?

У.: Об этом говорится в 15 книге о Троице, в главе 27. Я переведу тебе это место. В конце своего сочинения блаженный Августин обращается к своей душе и говорит: «Ты видела много истинного, не теми очами, которыми видят разноцветные предметы, но теми, о которых молился муж, произнесший такие слова: *очи мои да видят правоту* (Пс. 16,2). Ты видела много истинного и отличала его от Света, при сиянии Которого видела: возведи очи к самому Свету и утверди их в Нем, если можешь. Ибо только таким образом увидишь, как отличается рождение Слова Божия от исхождения Духа Божия. Поэтому Единородный Сын не сказал, что Дух Святой от Отца рождается, иначе Он был бы Его братом, но сказал: исходит. Поэтому, так как есть некое единосущное общение Отца и Сына, то Дух Святой называется Духом Обоих, а не Сыном Обоих, да не будет этого. Но чтобы это чисто и ясно созерцать, ты не можешь утвердиться там взором; знаю, не можешь.

Я говорю истину, говорю самому себе; знаю, что для меня это невозможно. Впрочем, Сама Троица показывает тебе в тебе же самом три вещи, в которых ты можешь узнать образ Самой Высочайшей Троицы, Которую твердыми очами созерцать еще не можешь. Она показывает тебе, что в тебе есть истинное — Слово, когда оно рождается из твоего ведения, то есть когда мы говорим то, что знаем, хотя, впрочем, никаких слов, или изречений,

имеющих значение на языке какого-либо народа, не произносим и не имеем в мыслях. Но из того, что знаем, образуется наше помышление, и это в глазах мыслящего — самый сходный образ того познания, которое содержалось в памяти. Эти две вещи, как родителей и детей соединяет третья вещь — воля или любовь.

И эта воля исходит от познания, ибо никто не хочет того, о чем ничего не знает воля или, что оно или каково. Однако воля — это не способ познания, и таким образом, в этих умозрительных вещах имеется некоторое расстояние между рождением и исхождением. Ибо созерцать мысленно — не то, что желать или наслаждаться волей, это увидит и поймет тот, кто может».

Вот собственно слова блаженного Августина. Извлечем из них главные, соответствующие друг другу понятия и поместим одно напротив другого.

Ведение или познание — Отец.

Слово или помышление — Сын.

Воля или любовь — Дух.

Воля исходит от познания.

Святой Дух исходит от Отца.

И.: Но почему бы не сказать и так, что воля исходит от познания и помышления?

У.: Ты хотел знать, как блаженный Августин объясняет таинство происхождения Св. Духа, и я показал тебе это. А почему он объясняет это так, а не иначе — другой вопрос. Я не берусь истолковывать его в том случае, если он хочет истолковать непостижимое.

И.: Он объясняет сверхъестественный, непостижимый предмет посредством предмета естественно-го, постижимого.

У.: Но я не знаю, точно ли избранный им естественный, постижимый предмет соответствует сверхъестественному, непостижимому. Он думает, что Ипостась Святого Духа в Боге есть то, что в человеке воля, или любовь. Но в Слове Божиим я нахожу, что любовь — свойство не одной Ипостаси, но Божественного естества вообще, как об этом говорит св. Иоанн: *Бог есть любовь* (1 Ин. 2, 16). Иногда любовь приписывается Богу-Отцу. Как у апостола Павла Сын Божий называется *Сыном любви Бога Отца* (Кол. 1, 13). Сам Сын Божий, изображая Святого Духа, называет Его *Духом Истины* (Ин. 15, 26), а в особых духовных дарах Дух Святой называется *Духом премудрости, разума, совета, крепости, ведения, благочестия, страха Божия* (Ис. 11, 2–3).

И.: Оставим это сходство между Ипостасью Святого Духа и силой воли, или любви, пусть оно будет предположением, принадлежащим блаженному Августину. Но я все-таки не понимаю, почему бы ему не сказать, что любовь происходит от познания и помышления?

У.: Это, объяснить нетрудно. Рассмотрим познание, помышление и любовь на конкретном примере. Например, ты имеешь познание о своем отце?

И.: Имею.

У.: Имеешь помышление о нем?

И.: Имею.

У.: Имеешь ли любовь к нему?

И.: Имею.

У.: Потому ли ты любишь его, что помышляешь о нем, или потому о нем помышляешь, что любишь любишь его?

И.: Не знаю, что на это сказать. Я и люблю отца потому, что помышляю о нем, как об отце, и потому помышляю о нем, что люблю его.

У.: Этого достаточно. Итак, ты не можешь утвердительно сказать, что твоя любовь к отцу происходит от помышления об отце. Но скажи мне, любишь ли твоего отца и тогда, когда не помышляешь о нем?

И.: Я думаю, что и тогда любовь к нему присутствует в моей душе, когда не имею о нем определенного помышления.

У.: А если бы ты совсем не имел познания об отце как отце?

И.: Тогда бы не было и любви, ибо, как и Августин говорит, никто не хочет или не любит того, о чем совсем не знает, что оно или каково.

У.: Итак, не можешь ли ты в этом случае без всякого сомнения утверждать, что любовь происходит от познания?

И.: Могу без сомнения.

У.: Итак, не видишь ли ты, что блаженный Августин прав, когда называет ясным и верным то, что воля исходит от познания, и, следовательно, Дух Святой исходит от Отца?

И.: Теперь я вижу, что это объяснение во всем совпадает с учением Восточной Церкви. Однако мне говорили об этом совсем иначе.

У.: Я знаю, на каком основании тебе так говорили. Ты можешь сам, если не побоишься труда, испытать, кто вернее сообщает тебе мысли блаженного Августина: я или же те, кто тебе об этом говорил? Я предложил тебе его слова так, как они читаются в древних и почти во всех рукописях, а другие пересказывали тебе их так, как они напечатаны поборниками западной церкви.

И.: Мне кажется невероятным, чтобы кто-то стал портить сочинения уважаемых писателей, чтобы применить их ко мнениям своей церкви. Можно ли защищать веру ложью?

У.: Я предоставляю это подозрение твоему собственному рассмотрению. А я дам тебе отчет в своем переложении.

Напечатано: «Самый точный образ того помышления», «Воля исходит от помышления», «Образ помышления».

Но в Венецианском издании 1552 года на это место сделано следующее замечание: «Впрочем, в древних рукописях вместо «помышления» стоит «познания»».

Также в Парижском издании 1679 года и в Антверпенском 1700 года это же место передано так: «того познания»; «исходит от познания»; «образ познания».

Суди сам, кому я должен последовать? Древним и почти всем рукописям или издателям, которые и не говорят, почему они напечатали не так, как читается в древних рукописях и почти во всех рукописях?

И.: Эти издатели в самом деле вызывают подозрение, так как предпочитают неправильное чтение текста вследствие пристрастия к своему мнению.

У.: Вызывают подозрения тем более, что не только не уважают ни древности, ни большинства свидетельств в пользу другого прочтения, но и не захотели замечать того, что принятое ими прочтение очевидно вредит смыслу текста. Они читают: «Но из того, что знаем, образуется наше помышление, и это в глазах мыслящего самый точный образ этого помышления».

Видишь, какая нелепость выходит из такого прочтения? Получается, «помышление — это самый точный образ помышления!» Не защищает ли, напротив, другое прочтение само себя правильностью своего смысла? — «Помышление — это самый точный образ познания».

И.: Удивляюсь.

У.: Ты удивился бы еще больше или совсем перестал бы удивляться, если бы имел повод узнать, как много у древних писателей мест, которые столь же явно испорчены.

И.: Желал бы я услышать яснее, как древние учителя Церкви произносили догмат о происхождении Святого Духа. Нет ли об этом таких свидетельств, которые бы не были подвержены спорам?

У.: В сочинениях одного блаженного Августина Адам Зерникав и Феофан Прокопович нашли более пятидесяти мест, в которых догмат о происхождении Святого Духа произносится так, как доньше произносит его Восточная Церковь. В их числе есть такие, в неповрежденности которых никто не сомневается. Таково, например, следующее место из книги: Против ариан (гл. 23): «Пусть не думают, будто в некоторой степени Дух Святой — от Него (то есть, от Сына), подобно тому, как Сам Сын от Отца. Наоборот, оба от Отца: Тот рождается, Этот исходит. Эти два действия из-за высоты естества Божия различить, конечно, трудно».

Из множества других подобных свидетельств, встречающихся у Восточных и западных писателей, я предложу тебе свидетельство самого папы Дамаза и целого Римского собора, в подлинности которого нельзя сомневаться потому, что одинаково написали об этом Августин (О времени), и Феодорит (История), один в Африке, а другой в Азии, один на латинском, а другой на греческом языке, почти в одно время, но, вероятно, не зная друг о друге. Дамаз на Римском Соборе с согласия многих епископов издал исповедание веры, в котором, как я сказал, блж. Августин и Феодорит читают следующие слова: «Если кто не говорит, что Дух Святой от — Отца истинно

и самостоятельно, как и Сын от сущности Божией и Бог, Божие Слово да будет анафема».

Глава VI

И.: Я хочу предложить тебе отрывок из книги «Основные указания». Вот он в переводе:

«Не трудно доказать, что те из греков, которые отделились от римской церкви, отделились этим от истинной Церкви Иисуса Христа. Чтобы убедить в этом любого благонамеренного человека, надо только взять для рассмотрения обе Церкви такими, какими они были во времена своего единства. Достоверно то, что тогда греки признавали папу главой Церкви.

Это доказывается семью первыми Вселенскими Соборами, которые были проведены на Востоке и на которых первенство папы было законно признано. Сам Фотий, который посеял первые семена разделения, в этом не прекословил. На Лионском и Флорентинском Вселенских Соборах, где рассуждали о воссоединении двух Церквей, эта истина также была признана греками. Церковь Константинопольская никогда не требовала более того, чтобы ее считали вторым Римом и после него отдавали первое место.

Достоверно также, что Константинопольская Церковь получила второе место уже на четвертом, или не ранее, чем на втором Вселенском Соборе, что было достигнуто не без сопротивления. Итак, тогда можно справедливо сказать, что папа был видимым главой Церкви, а Рим был центром единства, как говорил Иринея, епископ лионский, грек, живший во втором веке. Если Церковь, признававшая папу видимым главой, была безупречно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то она

будет таковой и всегда. Ибо в этом пункте Церковь измениться никогда не может. Следовательно, отделяться от церкви, признававшей папу главою,— значит отделяться от истинной Церкви Иисуса Христа, значит быть раскольников. Следовательно, Восточные, отделившиеся от нее, раскольники».

У.: Не хочешь ли ты, чтобы я разобрал с тобой это доказательство?

И.: Именно так.

У.: Рассмотрим его по частям, держась для ясности того порядка, в котором сочинитель изложил свои мысли.

Как ты думаешь, кого понимает писатель под этими словами: «Те из греков, которые отделились от церкви римской»?

И.: Без сомнения, Восточную Церковь.

У.: Итак, он предполагает, что Восточная Церковь отделилась от церкви римской?

И.: А ты разве в этом сомневаешься?

У.: Не сомневаюсь, а совершенно уверен, что это предположение неправильно.

И.: Не понимаю.

У.: Я поясню тебе это на примере. Когда после смерти Соломона из одного народа Божия возникли два царства: Иудейское и Израильское,—тогда, скажи мне, Иудейское ли отделилось от Израильского, или наоборот?

И.: Думаю, что здесь правильнее будет сказать: царство Израильское отделилось от Иудейского.

У.: Почему это правильнее?

И.: Потому, что царство Иудейское осталось таким, каким было прежде, а царство Израильское основало себе новое правительство, упразднив признанное всеми коленами народа Божия право наследственного правления.

У.: Приведем такой пример. Французский наставник говорит, что Восточная Церковь отделилась от церкви римской. Но чтобы иметь право так говорить, нужно прежде доказать, что римская церковь осталась после разделения такой же, какой была прежде, и что, наоборот, Восточная Церковь нарушила какой-либо великий закон, неразделимый с единством Церкви. А так как он этого еще не сделал, то допустил в самых первых выражениях своего доказательства подлог, выдавая за верное то, что надлежало доказать. Скажу более: он показал истину совсем в превратном виде.

И.: Ты думаешь, что справедливее было бы сказать: римская церковь отделилась от Восточной?

У.: Да. Теперь и я скажу словами французского наставника: «Чтобы убедить в этом любого благонамеренного человека, надо только взять для рассмотрения обе Церкви такими, какими они были во времена своего единства».

Рассматривая обе Церкви во времена их единства, или, что то же, рассматривая Вселенскую Церковь первых восьми веков христианства, я нахожу закон, принятый ею для сохранения своего единства и чистоты: общее вероисповедание и постановление Вселенской Церкви определяется из слова Божия общим согласием Вселенской Церкви через посредство ее учителей; частные Церкви могут вводить только частные установления для себя, относящиеся к благочинию церковному, а не касающиеся основания христианства.

И.: Где ты нашел такой закон?

У.: На нем основаны все Вселенские Соборы вместе. Их не было бы, если бы его не было.

И.: Согласен.

У.: Обратимся от Вселенской Церкви первых восьми веков христианства к последующим временам,

когда видим две разделенные между собой Церкви, Восточную и западную, или римскую. Сохраняется ли здесь этот закон Вселенской Церкви, и, если сохраняется, то в какой из двух несогласных между собой Церквей?

Посмотрим на церковь римскую. Прочитай ее вероисповедание, составленное папой по решениям Тридентского Собора, напечатанное в книге приведенного тобой французского наставника, и сравни его с вероисповеданием древней Вселенской Церкви, то есть с Никейско-Цареградским Символом веры. Во-первых, ты найдешь, что древний догмат произносится с важным изменением слов не только древнего Символа, но и Самого Иисуса Христа: Иже от Отца и Сына исходит. Во-вторых, найдешь догматы и постановления, которых в древнем Символе и следа не было и которые вновь определены, например: «Исповедую, что и под одним из двух видов принимается весь и целый Иисус Христос и истинное таинство».

«Утверждаю также, что власть индульгенций (послаблений) от Христа оставлена в Церкви и что употребление их спасительно для народа христианского». «Римскому Первосвященнику, преемнику блаженного Петра, князя апостолов, и наместнику Иисуса Христа обещаю истинное послушание и клянусь в том».

Видишь ли теперь, что в вероисповедании нынешней римской церкви есть такие члены, которые приняты ею без общего согласия Вселенской Церкви?

И.: римская церковь говорит, что и новые члены ее вероисповедания приняты ею, как Вселенской Церковью, на Вселенских Соборах.

У.: С тех пор, как христианство разделилось на две несоединенные донныне половины, Вселенских

Соборов не может быть, пока не последует соединения. Тридентский Собор, на который, по словам самого Тридентского Символа, особенно опирается нынешняя римская церковь,— это частный Собор этой церкви, а не Церкви Вселенской. Он даже не является общим Собором церкви западной, поскольку она в это время была уже вновь раздроблена.

И.: Западная половина христианства не считает Восточную значимой частью прежнего целого.

У.: Это добрый знак для Восточной Церкви. Это значит, что и она, подобно единственному Главе ее Иисусу Христу, Камень, Которым пренебрегли строители (Мф. 21, 42). Тем ближе она к тому, чтобы ей стать во главу угла. Я надеюсь в немногих словах доказать тебе, что пренебрегать Восточной половиной христианства как его незначительной частью, не значит исполнять суд Божий. Знаешь ли ты, на чем основывается это пренебрежение?

И.: В той же книге, которая подала повод к настоящему разговору, я читал следующее:

«Всеобщее духовное и наружное запустение, которому подвержены Восточные христиане со времени их раскола, может быть принято как доказательство того, что Бог оставил их».

У.: Смотри же, каково это доказательство.— Всеобщее запустение духовное. Где оно, покажи мне? В некоторых турецких областях? Но так не во всем Восточном христианстве, запустение не всеобщее. Оно состоит в непросвещенности некоторых стран? Но так называемая непросвещенность не запустение духовное, ибо в людях, не образованных мудростью века сего, может обитать и обитает живая вера. Всеобщее запустение наружное. Опять неправда. В Греции Восточное христианство бедствует, а в России благоденствует.

Смотри, не с большей ли силой оружие французского наставника может быть обращено против него самого? Не с большей ли справедливостью можно сказать об общем духовном запустении, которое очевидно доказывается родившимся, возросшим и господствующим среди западного христианства антихристианским безверием и развратом, дошедшим до торжественного и всенародного отступления от Христа. За этим обязательно следует общее наружное запустение, которое недавно, необыкновенной посторонней помощью — но Бог знает, надолго ли,— остановлено. Это двойное запустение, которому подверглись западные христиане пред лицом вселенной и потомства, может быть принято за доказательство того, что долготерпеливый Бог, ждавший их исправления, наконец оставил их или, по крайней мере, через настолько явное наказание угрожает им оставлением.

Разве я не могу сказать еще: ясным действием Провидения можно считать совершившееся избрание Восточных христиан (россиян) в качестве главного орудия для избавления западного христианства от общего духовного и наружного запустения и для восстановления западной церкви, униженной и поруганной в самом ее первосвященнике. Торжественное освящение оскверненной богоотступничеством, царубийством, междоусобными кровопролитиями столицы, предоставленное Провидением священству и христианам Восточной Церкви,— не может ли это быть принято как доказательство того, что Бог не оставил Восточную Церковь, но благословляет ее и благоволит о ней?

И этой-то Церковью пренебрегают, как незначительной частью »христианства! Вспомни недавно приведенный мной пример. Когда после смерти Со-

ломона из одного народа Божия образовалось два царства: Иудейское и Израильское,— первое состояло только из двух, а последнее из десяти колен. В это время израильтяне, верно, говорили об иудеях, что это незначительная часть народа Божия. Но пред очами Божиими сия-то незначительная часть и составляла истинный народ Божий, в котором заключалась вся надежда и для самих десяти колен отступнических.

И.: Я согласен, что даже и для ревностного защитника западной церкви Восточная Церковь в составе христианских народов не является тем, чем были в древней Вселенской Церкви некоторые христианские секты. Она существует тысячу лет после отделения от западной, и в это время сохраняется, несмотря на тяжкое и продолжительное угнетение на юге и востоке. А на севере время от времени шире распространяется, утверждается и процветает. Раскол, как показывает история христианства, никогда не пользовался таким покровительством Провидения.

У.: Следовательно, Соборы западной половины христианства, или римской церкви, не признаваемые Восточной,— это соборы частные, а не Вселенские, и принятые на них члены вероисповедания приняты без общего согласия Церкви Вселенской.

И.: Кажется, и на это нужно согласиться.

У.: Следовательно, римская церковь нарушила принятый древней Вселенской Церковью закон единства, по которому общее вероисповедание должно было быть определяемо из Слова Божия общим согласием Вселенской Церкви. Следовательно, римская церковь отделилась в своем вероисповедании от древней Вселенской Церкви.

И.: Для этого надо, чтобы нынешняя римская церковь отделилась в своем вероисповедании и от древней римской Церкви.

У.: А тебе это кажется невозможным?

И.: Конечно, трудно представить это.

У.: Ты можешь это увидеть на самом деле. Вот пример. В 809 году папе Льву III было предложено внести в Символ веры возникшее мнение о происхождении Св. Духа и от Сына, но он, несмотря на то, что это предложение было сделано под покровительством императора Карла Великого, не только не согласился на него, но еще повелел вырезать Символ на двух серебряных досках на греческом и латинском языках, без прибавления слов: «и Сына». Он сделал на них следующую надпись: «Лев совершил это из любви к православной вере и для ее сохранения». Но это прибавление, которого так остерегался Лев III, нынешняя римская церковь торжественно признает в Тридентском Символе. Не видно ли из этого, что нынешняя римская церковь отделилась в этом члене вероисповедания и от римской древней Церкви?

И.: Но достоверно ли рассказанное тобой деяние папы Льва III?

У.: О нем свидетельствуют писатели: Смарагд, который вел записи о вышеупомянутом посольстве к папе, Анастасий Библиотекарь, Петр Абельярд, Петр Ломбард, Петр Дамианов. О нем упоминает Фотий. Не отрицают его и новейшие писатели римской церкви: Бароний, Беллармин, Биний и иезуит Киховский. Если ты хочешь проверить ими мои слова, то можешь найти подробные указания на них у Феофана Прокоповича, в исследовании б исхождении Духа Святого.

Глава VII

И.: Надо узнать, не отделилась ли и нынешняя Восточная Церковь от древней Вселенской?

У.: Исследуем и это. И для этого снова обратимся к найденному нами в древней Вселенской Церкви закону единства, по которому общее вероисповедание должно было быть определяемо из слова Божия общим согласиём Вселенской Церкви. Отцы Вселенских Соборов вскоре заметили, что достичь общего согласия Вселенской Церкви в новых изысканиях, имеющих отношение к вере, время от времени становится труднее, отчасти по причине обширности Церкви, отчасти по причине распространяющегося влияния различных человеческих мнений, касающихся дела Божия.

Поэтому, на первом и втором Вселенских Соборах было составлено достаточное общее вероисповедание, сохраняемое доньше под названием Никейско-Цареградского Символа веры. Третий Вселенский Собор как для сохранения более полного согласия и единства со Вселенской Церковью предшествующих времен, так и для предупреждения возможных несогласий при новых изысканиях, относящихся к вере, извлек из всеобщего закона единства следующее правило, которое помещено в деяниях этого Собора под номером семь. «Святой Синод определил, да не будет позволено никому иной веры (то есть иного вероисповедания, или Символа) произносить, или писать, или составлять, кроме той, которая определена Святыми Отцами, Святым Духом соборных в городе Никее».

С тех пор правила каждого из последующих Вселенских Соборов начинались с подтверждения неприкосновенности общего вероисповедания, и ни

один из тех Соборов не отважился делать прибавлений к Никейско-Цареградскому Символу. Достоинно внимания то, что на Константинопольском Соборе, который утвердил восстановление Фотия на патриаршество, послы папы Иоанна VIII высказали о Символе следующее мнение: «Правильно, не составлять вновь иного вероопределения», то есть никакого кроме Никейско-Цареградского Символа.

И.: Признает ли это деяние нынешняя римская церковь?

У.: Римские писатели стараются освободить себя от свидетельств этого Собора с помощью разных подозрений, но об этом Соборе упоминает и сам Иоанн VIII в своих письмах и называет послов. Иосиф Вриенний, писавший в начале X века, уроженец Константинополя, говорит, что в то время еще хранилась и подпись римских послов под деяниями этого Собора. Зонар, Валсамон, Матфей Властарь и даже Грациан, приводят правила этого Собора. Отрывки его деяний сохранил Иоанн Векк, Патриарх Константинопольский, приверженец римской церкви.

Впрочем, я упомянул об этом для того, чтобы показать тебе древнее мнение христиан римской Церкви. Для Восточной же Церкви не нужно свидетельства этого Собора. В греческих списках его деяний он назван и считается многими восьмым Вселенским. Но поскольку западное христианство упорно не признает его таковым, то Восточная Церковь, сохраняя Вселенское согласие, держит седмичное число Вселенских Соборов, которых и западная церковь отвергать не может.

Потому достаточно того, что этими Соборами утверждена неприкосновенность общего вероисповедания, или Символа веры. Эту-то неприкосновенность Символа непоколебимо сохраняет и доньше

Восточная Церковь. И в церковных постановлениях мы сохраняем все это, и еще постановления семи Вселенских Соборов. Следовательно, нынешняя Восточная Церковь едина в общем вероисповедании и постановлениях с древней Вселенской Церковью.

Я доказал выше, что римская церковь отделилась в вероисповедании от древней Вселенской Церкви. Следовательно, справедливо будет сказать, что римская церковь отделилась от Восточной, а не Восточная от римской, как сказал французский наставник.

И.: Я вижу, что этим изменением одного выражения совсем уничтожается вопрос об отделении Церкви Восточной от истинной Церкви Иисуса Христа. Однако мне кажется, что в предложенном мной рассуждении французского писателя по этому вопросу есть предметы, которые заслуживают особенного исследования.

У.: Продолжим наше исследование. Французский наставник говорит: «Достоверно то, что тогда греки признавали папу главой Церкви. Это доказываете семью первыми Вселенскими Соборами, которые были проведены на Востоке и на которых первенство папы было законно признано». Что же ты думаешь об этом умозаключении?

У.: Мне кажется, что этим же умозаключением можно доказать противоположное тому, что хотел доказать французский наставник: Признано было первенство папы. Следовательно, папу не признавали главой Церкви.

И.: Но как ты докажешь, что это заключение правильно?

У.: Оно правильно так же, как и следующее заключение: В Восточной Церкви признано первенство Патриарха Константинопольского. Следовательно,

Патриарха Константинопольского не признают главой Восточной Церкви.

И.: Я опять не понимаю, почему ты делаешь такое превратное заключение.

У.: Что ты понимаешь под словом «первенство»?

И.: Кажется, это слово не требует пояснения.

У.: Например, есть ли первенство между братьями?

И.: Должно быть.

У.: А между отцом и сыном?

И.: Здесь должно быть нечто большее, чем первенство.

У.: А между начальником и подчиненным?

И.: И здесь несколько иное отношение, чем первенство.

У.: Как же называется отношение начальника к подчиненному?

И.: Начальство, или власть.

У.: Видишь теперь, что первенство присваивается одному из тех, кто друг над другом не имеет власти? А из этого и вытекает предположение: признано было первенство папы. Следовательно, не признавали власти папы над всей Церковью, или, что то же самое, не признавали папу главой Церкви.

И.: Но точно ли нынешняя римская церковь, именуя папу главой Церкви, присваивает ему не только первенство над прочими епископами, но и власть над всей Церковью?

У.: Ты мог это увидеть из приведенных мной догматов папско-Тридентского Символа. В нем папа назван наместником Иисуса Христа, Церкви предписана клятва в послушании папе. Это уже не простое первенство, которое восточные Патриархи отдают Патриарху Константинопольскому, но преимущество власти, и власти самодержавной.

И.: Так, может быть, и французский сочинитель под словом первенство понимал преимущество власти над всей Церковью?

У.: Но почему же он не сказал яснее: «признана была власть папы над всей Церковью», а сказал только: «признано было первенство папы»? Не значит ли это, что только последнее положение он надеялся доказать, а не первое?

И.: Это должно быть выведено из продолжения его доказательства.

У.: Он и в продолжение своего доказательства говорит только о первенстве, но из этого опять выводит заключение о власти папы как главы Церкви.

И.: Впрочем, он ссылается на свидетельство семи Вселенских Соборов, говоря, что тогда греки признавали папу главой Церкви.

У.: Он сам же и уничтожает это свидетельство, когда говорит, что на семи Вселенских Соборах было признано только первенство папы, а не власть его над всей Церковью как главы ее. Но если тебе угодно, и я привожу свидетельство семи Вселенских Соборов в том, что тогда греки не признавали папу главой Церкви. Тебе остается самому выслушать это свидетельство и судить, на чьей стороне справедливость.

Шестое правило первого Вселенского Собора гласит: «Да держатся древние обычаи, существующие в Египте и Ливии и Пентаполе, чтобы над всеми ними имел власть Александрийский епископ, ибо и Римскому епископу это привычно. Подобно и в Антиохии, и в прочих областях, свои старейшины да сохраняются Церквами».

Отсюда следует, что та же власть, которую имел римский епископ, предоставляется Александрийскому и еще некоторым епископам. Эта власть

не вновь дается этим епископам: Собором только подтверждаются древние обычаи. По этим древним обычаям как Александрийскому епископу принадлежала власть над Египтом, Ливией и Пентаполем, так и Римскому епископу — власть над некоторыми, и то не многими, западными церквами, а отнюдь не над всей Вселенской Церковью. Посуди, насколько далек был первый Вселенский Собор от того, чтобы признать папу главой Церкви.

Третье правило второго Вселенского Собора повелевает: «Константинопольскому епископу иметь старшинство чести после епископа Римского, ибо Константинополь есть новый Рим». И здесь, если и предполагается какое-то преимущество Римского епископа, то единственно первое старшинство чести, а отнюдь не всеобщее старшинство власти. Должно отметить основание приведенного здесь правила. Почему Константинопольский епископ — после Римского епископа? «Ибо Константинополь есть новый Рим». Если обратиться с этим же рассуждением к Римскому епископу, то можно сказать взаимно: почему епископ Римский — перед Константинопольским епископом? «Ибо Рим — древний». Вот какое преимущество дает папе второй Вселенский Собор, а не власть главы Церкви.

Третий Вселенский Собор, напоминая Кипрским епископам, а пользуясь случаем, и другим епархиям вообще, древние права независимости от посторонних епископов и ограничивая власть каждого митрополита теми областями, на которые она издревле распространялась, прибегает к следующей предосторожности: «Да не преступает никто правила Святых Отцов, да не проникнет под видом священнодействия гордость светской власти и да малопомалу, неприметно не утратим той свободы, кото-

рую Своей Кровью даровал нам Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех людей».*

Итак, и этот Собор не признавал такого единовластителя, которого имеет ныне в лице папы римская церковь, а принимает меры предосторожности, чтобы таковой никогда не появился.

Среди правил четвертого Вселенского Собора под номером 28 находится следующее: «Следуя во всем определениям Святых Отцов и признавая прочитаемое ныне правило ста пятидесяти боголюбивейших епископов,** и мы определяем и постановляем то же о старшинстве святейшей Церкви Константинополя, нового Рима. Ибо престолу древнего Рима, ради этого царствующего града, Отцы дали приличное первенство. И, оказывая то же уважение, сто пятьдесят боголюбивейших епископов предоставили равное старшинство святейшему престолу нового Рима, найдя правильным то, чтобы город, возвышенный пребыванием Царя и синклита и пользующийся равным старшинством с древним царственным Римом, так же, как тот был возвеличен и в делах церковных, как второй после него».

Здесь мы должны заметить, во-первых, что Собор признает старшинство Римского епископа ради царствующего града Рима, но не ради преимущества власти самого епископа, как преемника апостола Петра, Христова наместника и главы Церкви, как исповедуют нынешние почитатели папы; во-вторых, что престолу нового Рима как этот Собор, так, по его объяснению, и второй Вселенский предоставили равное старшинство с престолом древнего Рима. Таким образом, если Римский епископ имел первенство

* Правило 8.

** То есть третье правило второго Вселенского Собора.

перед Константинопольским, то только потому, что нельзя двоим быть первыми, а отнюдь не потому, что папа имел какую-то особую власть или высший сан. Константинопольский епископ занимал то же положение в Константинополе, что и Римский в Риме. Церковь Константинопольская настолько же зависела от Церкви римской, насколько римская от Константинопольской. Так же нужно понимать постановления и о других восточных Патриархах, которые должны были отдавать Патриархам Римскому и Константинопольскому только старшинство места на Соборах.

В тридцать шестом правиле Трулльского Собора, называемого пято-шестым, потому что он был собран в дополнение к деяниям пятого и шестого Вселенских Соборов, которые не издали церковных правил, и сам по себе имеющий достоинство Вселенского Собора, ибо на нем присутствовали и подписали постановление пять восточных патриархов, послы Римского епископа и Римского Собора, и более двухсот прочих епископов, 36 правилом возобновляет прежние постановления о патриарших престолах следующим образом:

«Возобновляя постановление ста пятидесяти Святых Отцов, собравшихся в этом богоспасаемом и царствующем городе* и шестисот тридцати, собравшихся в Халкидоне,** определяем, чтобы Константинопольский престол пользовался равным старшинством с престолом древнего Рима и так же, как тот, был возвеличен в церковных делах, будучи вторым после него. После Константинопольского да чествуется престол великого города

* То есть второго Вселенского Собора.

** То есть четвертого Вселенского Собора.

Александрии, потом Антиохийский, а после этого Иерусалимский».

Кроме этих ясных свидетельств о древнем равенстве восточных патриархов с патриархом, или папой Римским, можно видеть из деяний Соборных, что Вселенские Соборы созывались обычно повелением и властью императоров, а не пап. Патриарх Константинопольский в письмах называл папу братом и сослужителем, равно и папа так же называл патриарха. Даже епископы Италийских Церквей подписывались с прибавлением только слов: «Божией милостью», а не так, как нынешние: «Божией и апостольского престола милостью».

Пятый Вселенский Собор, на котором папа Вигилий, находившийся в то время в самом Константинополе, не хотел присутствовать, объясняя свое отсутствие то болезнью, то малочисленностью западных епископов, принял свои постановления без его согласия, так что, хотя и высказал после несогласие с решением собора, но снова отступил от него. Шестой Вселенский Собор, в числе других монофелитов проклял папу Онория; в деяниях же этого Собора как Римскому, так и Константинопольскому епископам даются одни и те же почетные наименования: «Блаженнейшего архиепископа и вселенского», только Цареградский, по восточному обычаю, называется патриархом, а Римский, по западному обычаю, и Александрийские архиепископы — папами.

Папские послы в первый раз воспользовались полным правом председательства на том Соборе, который утвердил изгнание патриарха Фотия и который западная церковь признает восьмым Вселенским, а Восточная причисляет к церкви лукавых, потому что Фотий, осужденный этим Собором, не совершил никакого иного преступления, кроме того,

что обличил Императора Василия в царубийстве и отцеубийстве и за это отлучил от Святого Причастия.

Суди по этим свидетельствам, насколько достоверно то, что греки признавали папу главой Церкви и доказывалось ли то семью первыми Вселенскими Соборами?

Глава VIII

И.: Однако французский писатель на чем-то основывался, говоря это.

У.: Может быть, на том, что понимал Соборные правила так, как ему хотелось, а не так, как они звучат для беспристрастного. Впрочем, я истинно не нахожу иных вселенских правил, которые можно было бы привести в поддержку французского наставника, и продолжение его доказательства показывает, что и он отталкивался от них же. В пользу его мнения могли бы послужить 3, 4 и 5 правила Сардикийского Собора, которыми Юлию, епископу Римскому, предоставляется назначать пересмотр дел о низложении епископов. Но должно заметить, что во-первых, хотя и было намерение, чтобы Сардикийский Собор был Вселенским, но так как при самом его начале епископы восточные отделились от западных и на нем не присутствовали, то и был он только частным, или поместным Собором, каким и признавался был всегда Церковью Восточной.

Во-вторых, неповрежденность этих правил можно подвергнуть сомнению, так как они долго были неизвестны ни в Восточных, ни в Африканских церквях, принадлежавших к западной церкви. А четвертое правило Сардикийское во времена папы Зосимы с явным подлогом было представлено из Римского Архива Африканским епископам как Все-

ленское Никейское правило; этот подлог и обличается Собором Карфагенским в посланиях его к Папам Вонифатию и Целестину.

В-третьих, правила Сардикийские, даже если принять их во всей силе, как правила частной западной церкви, дают папе власть только над епископами западной церкви. Такая же власть предоставляется девятым и семнадцатым правилами четвертого Вселенского Собора патриарху Константинопольскому над Восточными епископами и митрополитами, принадлежащими к его патриаршеству.

И.: Посмотрим, что ты еще найдешь в продолжении рассуждения французского писателя.

У.: Он говорит далее: «Сам Фотий, который посеял первые семена разделения, в этом — то есть том, что касается первенства Папы — не прекословил».

Здесь надобно рассмотреть прежде следующее положение: «Фотий посеял первые семена разделения».

И.: Кажется, это положение и ясно, и верно.

У.: Для меня не совсем верно. Поскольку ты можешь еще спросить, не некое ли противоречие возбуждает меня против всякого мнения западных писателей, то здесь вместо своего мнения я представлю тебе мнение западного писателя: ты можешь найти следующее мнение. Перевожу его слово в слово: «Кажется, наименование Вселенского патриарха, которое приняли епископы Константинопольские, есть истинное начало греческого раскола, который открылся в девятом веке в патриаршество Фотия».

Подлинно первым семенем разделения было наименование вселенского, которое со времен четвертого Вселенского Собора Императоры, Соборы и клир начали прилагать к именам Римского и Константинопольского епископов. Константинопольский

Собор 536 года, в деяниях которого многократно употреблено наименование Вселенского патриарха, принят и одобрен римской церковью. Но когда после то же наименование было приложено к свт. Иоанну Постнику, патриарху Константинопольскому, то папа Римский Григорий Великий весьма сильно восстал против этого наименования и называл его антихристианским.*

Впрочем, патриархи Константинопольские, во первых, до VIII века не называли сами себя Вселенскими, а только не возбраняли этого делать другим. Во-вторых, они принимали наименование вселенского только как почетное, подобно тому, как некоторым на Востоке приписывали и наименование вселенского учителя, но не соединяли с этим понятия о всемирной власти. В-третьих, они приписывали то же почетное наименование и Римским епископам. Но с 606 года это «антихристианское», по выражению папы Григория, наименование с папой Вонифатием III воссело на Римский престол так твердо, что и последующие папы, насколько позволяли обстоятельства, всячески старались прежде всего присвоить это наименование одним себе и затем соединить с ним всемирную власть.

Случай, который так возвеличил папу Вонифатия, был следующий. Фока, достигший Константинопольского Императорского Престола через убийство Императора Маврикия, хотел также умертвить его вдову и трех дочерей. По древнему обычаю, они искали убежища в церкви. Император хотел взять их оттуда, но патриарх Кириак этому воспротивился. Поэтому, как говорит Римский писатель, Фока стал враждовать против Кириака и благоприятствовать

римской церкви. Вонифатий, узнав об этом, воспользовался ненавистью к Кириаку. Он, по словам другого Римского писателя, живя в Константинополе до самой смерти Григория, снискал благоволение Фоки и приобрел его дружбу. По сей-то причине, а также из ненависти к Кириаку, Император, по прошению,— как говорит, опять же западный писатель,— папы Вонифатия определил, чтобы престол римской апостольской церкви был главою всех Церквей.

Казалось, что таким образом цареубийца и похититель престола Фока, передавал папе Вонифатию собственный свой дух властолюбия. Папы не угасили этого духа. Все менее уважали они Восточную Церковь и сами Вселенские Соборы; и не уважая древних правил, вводили новшество за новшеством. Собор Трульский во многих своих правилах уже явно обличает римскую церковь. Например, 13 правило этого Собора начинается так: «Поскольку мы узнали, что в римской церкви принимается за правило, чтобы рукополагаемые во диакона или пресвитера обязывались не прикасаться более к своим женам, то, следуя древнему правилу апостольскому,* желаем, чтобы законное сожитие священнодействующих лиц и отныне было твердо».

Также правило 55 гласит: «Поскольку мы узнали, что живущие в Риме в Святую Четыредесятницу по субботам постятся, вопреки преданному церковному последованию, то Святой Синод желает, чтобы и в римской церкви ненарушимо содержалось 64 апостольское правило, гласящее: если причетник будет поститься в святой день Господень или в субботу, кроме одной только, да будет извергнут; если же мирянин, да будет отлучен».

* Письма 4, 32, 34, 24, 30, 36, 38.

* то есть 51 апостольскому правилу

Но несмотря на то, что эти правила, как я и прежде сказал, утверждены пятью патриархами и послами Римского Папы и Римского Собора, римская церковь не покорилась им и не покоряется доньше. Итак, семена разделения, посеянные Фокою и Вонифатием, уже проросли на Трулльском Соборе.

Теперь посмотрим, что сделал Фотий, или лучше, что с ним случилось.

Недавно приведенный мной французский писатель говорит о нем следующее: «Он был высокого рода и имел глубокие знания. Это его достоинство было причиной того, что в 857 (858) году, будучи мирянином, он был избран преемником Игнатия, патриарха Константинопольского, которого изгнал Император Михаил, но которого считали неправильно низложенным. Фотий за шесть дней прошел все церковные степени: в первый день он был сделан монахом, во второй чтецом, в третий — иподиаконом, в четвертый — диаконом, в пятый — пресвитером, а в шестой посвящен в патриарха Константинопольского. Вскоре по восшествии на патриарший престол он председательствовал на Соборе, на котором Игнатий был низложен. Впоследствии папы считали рукоположение Фотия незаконным; впрочем, оно могло быть оправдано примерами Нектария, Тарасия и Никифора, патриархов Константинопольских, и святого Амвросия Медиоланского. И оно было объявлено законным в 861 году на соборе более трехсот епископов, среди которых первенствовали послы папы Николая I. Игнатий снова был низложен».

Дополним это свидетельство западного писателя некоторыми обстоятельствами, требующими особенного внимания. Фотий, будучи одним из первых чиновников государства, не имел нужды искать патриаршества Константинопольского, а, предвидя свои

бедствия в этом звании, писал к папе Николаю I,* что желал бы лучше смерти, нежели патриаршества. Игнатий еще прежде избрания Фотия подписал свое отречение от престола. Фотий приступил к соборному низложению Игнатия потому, что сторонники последнего, собравшись в храме св. Ирины, хотели низложить невинного Фотия. Но и после первого собора, уступая сторонникам Игнатия, Фотий готов был оттрясти прах на своих гонителей и оставить престол,** если бы ему то позволили.

На втором соборе Игнатия, приведенного в Константинополь, судили и осудили, а Фотий был выслушан и признан ни в чем невинным; и Римские послы подписали это деяние. Этот Собор именуют Вселенским Гемист, Вриенний, Валсамон, Зонар, Аристен, Нил Солунский, Нил, митрополит Родосский, Матфей Властарь, Макарий Анкирский и другие.

Но папа Николай не признал решения этого собора о патриархе Фотии и заставил римских писателей до сих пор жаловаться: иных — на притеснение папских послов, а иных — на красноречие Фотия.*** Игнатий, по соборному приговору низложенный с престола в Константинополе, мысленно был возведен на престол в Риме. Фотий, лично доказавший свою невинность перед Константинопольским собором, был осужден заочно на Римском соборе 863 года. Сами послы папы подверглись его гневу за то, что подписали такое решение, которое вытекало из соборного исследования, а не повергли

* Письма 3, 6.

** Письма 3, 6, 8.

*** Dict. rais. Photius. Eieméns dé I historé Ecclésiastiqué par I Autéur du nouveau dictionairé dés Hommés illustrés. 1782, p. 172>

константинопольский собор и патриарха к ногам патриарха другой Церкви.

Император в письме обличил гордость папы и открывал наготу римской церкви. но папа предпринял следующее: оскорбительным письмом к императору* повелел прислать Игнатия и Фотия в Рим.

В 866 году папа Николай послал в новопросвещенную христианством Болгарию своих епископов, предприняв попытку отторгнуть ее от Константинопольского патриаршего престола и покорить себе. Константинопольскому престолу она принадлежала, во-первых, потому, что принадлежала к областям Восточной Империи и составляла часть Константинопольской патриархии по закону Феодосия и по своему местоположению; во-вторых, потому, что недавно болгарский Царь Михаил был крещен в Константинополе; в-третьих, потому, что страна, населенная в то время болгарами, имела и до их пришествия греческих священников. В это древнее достояние Восточной Церкви западные наставники привнесли с собой и новую власть, и новое учение, как-то: о происхождении Святого Духа, о недействительности совершаемого священниками миропомазания, о безбрачии священников.

Что оставалось делать Фотию в этих обстоятельствах? Или, вопреки восьмому правилу третьего Вселенского Собора вместе с собой поработить независимую до сих пор Константинопольскую, а иначе говоря — всю Восточную Церковь — неограниченному влиянию мнений и обычаев все более отступавшей от древних правил римской церкви, или противопоставить дерзости твердость и, при невозможности сохранять далее мир, обнажить все нововведе-

* Письмо 8.

ния и несправедливые притязания, самым соблазнительным образом обнаружившиеся как в действиях самого папы, так и в действиях посланных им в Болгарию епископов. Первое, может быть, избрал бы наемник, а пастырю надлежало решиться на последнее. И Фотий совершил это через окружное письмо к патриархам, Собор и книгу, которую подписала тысяча Восточных епископов.

Что же было делать папе? Надо было низринуть обличителя, а потом делить его патриархию. Повод к этому вскоре представился.

В 867 году Император Михаил был убит усюновленным им Василием, и этот царевубийца и отцеубийца взошел на престол. Фотий не допустил его до св. Причастия. Император, не захотев унижить себя покаянием, которого требовал патриарх, изгнал этого свидетеля истины, восстановил соборно низложенного Игнатия, и, чтобы приукрасить этот несправедливый поступок, просил папу созвать Собор.

В это время на папском престоле, после смерти Николая, находился Адриан II. Он был подвержен тому же духу преобладания. Он отправил в Константинополь послов, где под их председательством в 869 году открылся собор только 102 епископов. римская церковь считает этот собор восьмым Вселенским. Вражда Императора, папы, сторонников Игнатия объединилась на этом соборе против Фотия. Он был приведен только на пятое заседание собора. Обличив насилие, он решил молчать, подражая решимостью примеру Спасителя. На седьмом заседании Фотий был низложен, проклят, и, как свидетельствует враждебный ему писатель Никита, его низложение подписали не простыми чернилами, но — страшное дело! — пером, смоченным в самой Крови Спасителя. Кроме жестокого заточения, враги изобрели

самое тяжкое мучение для мудреца: его лишили книг.

Каким был этот собор, можно судить по его 21 правилу, которое даже Вселенскому Собору запрещает обвинять или судить святейшего папу старшего Рима или святую римскую церковь. Что было бы, согласно этому правилу, например, папе Либерию, который, общаясь с «полуарианами», подписал их исповедание и осудил святого Афанасия? По этому правилу и папу Онория шестому Собору нельзя было бы судить и осуждать за монофелитскую ересь!

Чем более папам уступали, тем более они требовали. Иоанн VII, решившись во что бы то ни стало совершить церковное завоевание Болгарии, грозил самому Игнатию проклятием, если тот не выведет из нее греческих священников в течение тридцати дней.* Но Игнатий перешел от папского суда к суду Божьему.

Тогда Император, отчасти будучи раздражен поступками папы, отчасти вспомнив о достоинствах и заслугах Фотия, как свидетельствуют Лев Грамматик, Константин Багрянородный, Зонар и другие, возвратил его на патриарший престол.

По письмам Василия, Фотия и других Восточных епископов, Иоанн VII отправил в Константинополь своих послов, уполномочив их восстановить Фотия, «святейшего патриарха, брата и сослужителя» папы, примирить Восточную Церковь с римской, уничтожить низложивший Фотия Собор, и, наконец, настоять на уступке Болгарии римскому престолу.

Таким образом, в 879 году 383 епископа, в том числе послы римского и всех Восточных патриархов, составили в Константинополе Собор, который

* Письмо 78.

очень многие Восточные писатели признают восьмым Вселенским. Этот Собор, уничтожив деяния предыдущего, утвердил восстановление Фотия, признал неприкосновенность Никейско-Цареградского Символа веры под страхом проклятия. И таким образом, не допустил обличенного Фотием прибавления слов «и Сына», определил первым правилом, чтобы связанные Иоанном были связаны Фотием, и связанные Фотием были связаны Иоанном, без всякого нововведения относительно старшинства папы и церкви римской. Следовательно, были признаны независимость и равенство обоих престолов и обеих Церквей. А спор о Болгарии, как спор о границах Восточной империи, предоставили Императору. Можно сказать, что Фотий вместе с Собором, возросшее уже терние раздора попрали и подавили.

Но римский престол, не получил двух желанных вещей: старшинства вселенской власти и Болгарии. Исполнившись новым гневом, он начал горстями бросать проклятия Востоку, как песок против ветра. Фотий, проклятый, по мнению Биния, двенадцатью, а по мнению Аллатия, девятью папами, по настоянию пап вновь низверженный с престола Императором Львом, скончавшийся в монастырском заточении, достиг последнего из девяти блаженств, названных Спасителем: *блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5, 11).

Впрочем, следует поблагодарить Восточных христиан за их просвещение в вере и твердость в древних правилах Церкви! Они не так смотрели на папские проклятия, как западные народы, когда епископский престол оружием проклятий покорял себе престолы царские.

Я заключаю это повествование свидетельством того же французского писателя. Вот что сказано в Словаре под словом Фотий: «Папа требовал на соборе, восстановившем Фотия, чтобы Болгария была подчинена Римской патриархии. Не получив удовлетворения этого требования и узнав, что Фотий поставил в этой стране митрополитов и послал им мантию, не удержался более в пределах умеренности. Он изверг послов, бывших на Константинопольском соборе, отменил все, что было сделано на этом Соборе, и отлучил Фотия, который со своей стороны, вновь отделился от церкви римской».

Суди хотя бы по этому свидетельству: не властолюбие ли одно заставило папу презреть законный собор, проклясть ничем не оскорбившего веру патриарха Константинопольского, и тем совершить разделение Церквей? Я говорю «совершить», поскольку после этого бывали только времена, затишья, но времена единодушия кончились.

Если ты желаешь узнать еще несколько подробностей о Фотии и разделении Церквей, то читай сочинение Илии Минятия «Камень соблазна».

Глава IX

И.: Что ты скажешь о другом положении французского писателя, чьи высказывания мы рассматриваем, о том, что, по его мнению, Фотий беспресловенно признавал первенство папы?

У.: И я не прекословлю в том, что Фотий отдавал папе *первенство* места и почести, но старшинство власти вселенской только на минуту в Константинополе приписали папе сообщники Игнатия и гонители Фотия.

И.: Продолжай свои замечания на рассуждение французского писателя.

У.: Он говорит далее: «На вселенских соборах, Лионском и Флорентийском, на которых собравшиеся рассуждали о воссоединении двух Церквей, эта истина (то есть первенство папы) была признана греками».

У меня возникает вопрос: почему французский наставник упоминает об этих двух вселенских, по его мнению, соборах, когда римская церковь насчитывает их от одиннадцати до четырнадцати по разделению ее с Восточной?

И.: Конечно, потому, что на этих двух находились и восточные христиане.

У.: Итак, он признается, что свидетельство тех соборов, на которых находились и восточные христиане, важнее прочих, и важнее не только для восточных, но и для западных, для которых он пишет?

И.: Это нужно признать.

У.: Заметим здесь же вскользь, насколько справедливо, по невольному признанию самого французского наставника, сказанное мной прежде, что Тридентский и ему подобные соборы не имеют достоинства вселенских.

И.: А Лионский и Флорентийский?

У.: Рассмотрев некоторые обстоятельства этих соборов, ты поймешь, что и они не имеют вселенского достоинства.

На Лионском соборе присутствовали со стороны западной церкви: папа Григорий X, король Арагонский, гроссмейстеры кавалеров Храма и Странноприимства, послы Франции, Англии, Германии, Сицилии и других Государств, от 400 до 500 епископов, тысяча нижних чинов духовенства. Со стороны Восточной Церкви: Герман, бывший патриарх,

Феофан Никейский и Георгий Акрополит, великий Логофет с несколькими клириками, не имеющими права голоса. Какое равенство, какая свобода?

И.: Но почему было так мало представителей Восточной Церкви?

У.: Потому, что Императора Михаила Палеолога интересовало не соборное установление истины и законное примирение Церквей. Он только искал защиты у папы, во-первых, от ненависти своих подданных, которых восстановил против себя, отняв зрение у законного наследника Императорского престола и низвергнув обличившего это злодеяние патриарха Арсения, во-вторых, от западного оружия.

И.: Каково же было следствие этого собора по отношению к Восточным христианам?

У.: Несчастные орудия нечистой политики подписали мнимое соединение Церквей, но греки были так мало на это согласны, что за это, по свидетельству Пахимера, не удостоили Императора погребения, как изменника Церкви.

И.: Впрочем, каковы были условия этого объединения?

У.: Поверишь ли? папа твердо настоял на своем догмате о папе, а в догмате о Святом Духе был менее взыскателен. Герману было позволено на самом соборе читать греческий Символ веры без прибавления слов «и Сына».

И.: Что ты скажешь о Флорентийском соборе?

У.: О нем нельзя сказать лучше чем, сказал сам инициатор этого собора, папа Евгений IV. Услышав, что Марк, митрополит Ефесский, ревнитель Православия, на этом соборе не подписал определения о соединении Церквей, папа сказал: «Поэтому мы ничего не сделали!»

И.: Но много ли значил один человек?

У.: Очень много, поскольку он был истинным поверенным Греческой Церкви. Греческий Император искал не духовного блага Церкви, а помощи против турок. Исидор, митрополит Киевский, и Виссарион, архиепископ Никейский, искали не блага Церкви, а кардинальских украшений, которые и получили впоследствии. Патриарх Константинопольский умер во время собора. Некоторых заставили подписать соединение угрозами и голодом, другие подписали, не зная что.

И.: Как приняла этот собор Восточная Церковь?

У.: Так, как предвидел папа. В Константинополе никто не захотел общаться с присоединившимся к латинянам. Из Киева Исидора изгнали, а в Москве осудили на сожжение. Но ему не так нравился огонь мученичества, как огонь чистилищный, поэтому он и бежал от первого в Константинополь, а после неудачи — в Рим. В Иерусалиме собор трех патриархов отверг Флорентийскую унию, осудил латинствующего патриарха Константинопольского Митрофана, а от Императора потребовал покаяния. Другой собор, состоявшийся в Константинополе под начальством четырех патриархов, снова исследовал деяния Флорентинского, и все отринул, низложив даже латинствующего патриарха Константинопольского Григория. Свидетелями этих событий были очевидец Флорентинского собора Сильвестр, Сиропул, Лаоник Халкокондил, Георгий Фаранза, Геннадий Константинопольский, Георгий Гемист, Аллатий и другие. На русском языке можно прочесть о этом в книге об унии.

И.: Будем читать далее рассуждение французского писателя.

У.: Он продолжает: «Церковь Константинопольская никогда не требовала себе более того, чтобы

ей считаться вторым Римом и после него иметь первое место».

И.: В этих словах я не вижу ничего важного. Я видел из приведенных тобой соборных правил, что римскому патриарху отдавали первенство места.

У.: Прочтем далее: «Достоверно также, что Церковь Константинопольская получила второе место уже на четвертом или не раньше чем на втором вселенском соборе, что состоялось не без сопротивления». Замечаешь ли ты здесь или хитрость, или неосмотрительность писателя?

И.: Какую?

У.: В начале этого рассуждения он начал было говорить о греках, а в заключение скажет о Восточных христианах. Здесь же говорит о Церкви Константинопольской.

И.: Какая разница в этих названиях?

У.: Переходить от Константинопольской Церкви ко всей Греческой, или ко всей Восточной — значит, говоря учебным языком, переходить от части к целому.

И.: Он, конечно, предполагает, что если главнейшая из Восточных Церквей, Константинопольская, уступала римской, то, равным образом, и прочие Восточные.

У.: Здесь-то и кроется обман. Церковь Константинопольская, говорит он, получила второе место не раньше чем на втором вселенском соборе. Что из этого следует? Прежде этого Александрийская и Антиохийская Церкви, также относящиеся к Восточной, были равны с римской, как видно из шестого правила первого вселенского собора. Об этом уже говорили.

Если нужно, я опять противопоставлю западного писателя западному. Вот что он пишет: «До тех

пор, пока не возвысился Константинополь, три знаменитые Церкви признавались верховными над всеми прочими и господствовали над тремя частями известного тогда света. Эти три Церкви были: Римская на Западе, Александрийская на Юге и Антиохийская на Востоке. Впрочем, не вся Европа признавала римского епископа патриархом, не вся Африка была подчинена Александрийскому, и не вся Азия — Антиохийскому. Римский епископ в качестве патриарха простирает свою власть только на соседние области».

И.: Посмотрим, что следует далее у нашего французского писателя: «Итак, тогда справедливо можно было сказать, что папа был видимым главою Церкви».

У.: Посмотри, какое из этого следует заключение: «Церковь Константинопольская имела второе место». «Следовательно, папа был главой Церкви».

И.: Ты разбираал прежде уже почти такое же заключение. Посмотрим, что следует: «Рим был центром единства, как говорит Иринея, епископ Лионский, грек, живший во II веке».

У.: Прежде, чем мы рассмотрим мнение Иринея, позволь мне спросить, для чего французский писатель, говоря о нем, заметил это обстоятельство, т. е. что он грек?

И.: Без сомнения, свидетельство грека против греков должно быть весомым.

У.: Но я удивляюсь, как он не заметил, что это обстоятельство нейтрализуется другим обстоятельством, о котором он упомянул тут же: епископ Лионский, Лионская или Галликанская, церковь по своему местоположению и национальной принадлежности издревле относилась к Западной. Поэтому Иринея и должен был говорить о Римской церкви не как

грек, то есть, посторонний, но как латинянин, то есть, как принадлежащий к церкви Римской.

И.: Я желал бы, услышать точную цитату из Иринея.

У.: Цитату, на которой основывается французский писатель, он указывает сам в сочинении о ересьях, в книге 3, главе 3. Вот слова Иринея:

«Всякая Церковь, то есть живущие повсюду верные должны обращаться ради преимущественного первенства к этой Церкви (то есть, как писатель говорит несколько выше, к церкви, основанной и утвержденной в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом, в которой повсеместно христианами всегда сохранялось апостольское предание».

И.: Что, по твоему мнению, здесь понимается под преимущественным первенством римской церкви?

У.: Зачем высказывать мнение? Ты уже слышал суждение об этом вселенской Церкви. В приведенном мной 28 правиле четвертого вселенского собора сказано: «Престолу древнего Рима, ради этого царствующего города, отцы дали приличное первенство». Во времена Иринея, когда не было нового Рима, другого царствующего города, Церковь древнего Рима, как царствующего города, конечно, имела преимущественное первенство, по большей части во мнении меньших западных Церквей.

И.: А как понимать то, что, по мнению Иринея, всякая Церковь должна обращаться к Римской Церкви?

У.: Он указал в отношении Римской Церкви, во-первых, ее первенство, как Церкви царствующего города, во-вторых, сохранение апостольского предания. Поэтому не удивительно, что он требует от верных своего времени особого внимания к ней.

Впрочем, не напрасно ли я соглашаюсь с новейшими западными писателями в понимании выше приведенных слов Иринея о Римской Церкви. Эти слова не только могут быть поняты в том смысле, в каком я произнес их прежде, но могут также быть переведены следующим образом:

«Всякая Церковь, и живущие повсюду верные, ради преимущественного первенства должны обращаться к той Церкви, в которой повсеместно христианами всегда сохранялось апостольское предание».

Такое понимание слов Иринея оправдывается тем, что апостольское предание сохранялось не только Римской Церкви. По его собственным словам, он ограничивается, говоря о предании, Римской Церковью только потому, что перечислять преемственность епископов всех Церквам было бы долго.

И.: Я не могу вникать в эти ученые разбирательства, не имея к этому возможности и времени.

У.: Ты можешь предложить мое мнение к рассмотрению знающих людей, только выбирай для этого беспристрастных.

Глава X

И.: Кажется, ты сказал, что по словам Иринея, о свидетельстве которого теперь идет речь, римская церковь основана и утверждена двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом.

У.: Он так и говорит.

И.: В этом для меня есть нечто замечательное.

И.: Величие римского Первосвященника, как видим из приведенного тобой члена Тридентского Символа, утверждается на том, что этот Первосвященник — преемник блаженного Петра, Князя апостолов.

У.: Это так.

И.: Но из слов Иринея я вижу, во-первых, что Петра и Павла вместе и равно он называет славнейшими апостолами, как и Восточная Церковь доныне называет их обоих первоверховными. Где же теперь князь апостолов? Во-вторых, из этих слов следует, что римская Церковь основана Петром и Павлом вместе. Почему же теперь римский епископ — преемник Петра, а не Павла, или Петра и Павла вместе?

У.: Ты сделал такие замечания, на которые трудно было бы отвечать ревнителю Западной церкви. Я укажу тебе на свидетельство оспариваемого здесь писателя. Непосредственно после слов, указанных французским наставником, у Иринея идут следующие: «Блаженные апостолы, основывая и учреждая Церковь, поручили епископство и управление Церковью Лину. Об этом Лине Павел упоминает в послании к Тимофею. Преемником его был Анаклет. После него третий после апостолов принял епископство Климент».

Теперь я спрашиваю Иринея, был ли первый Римский епископ Лин преемником апостола Петра? Нет, отвечает он, Анаклет был преемником Лина, а Лин не был преемником Петра, ибо, во-первых, не Петр оставил Лину епископство после своей смерти, но ему дали епископство Петр и Павел при своей жизни. Во-вторых, они своей властью поручили ему епископство, а не оставили по преемству. В-третьих, не Петр был первым Римским епископом, но Лин, вторым — Анаклет, третьим после апостолов — Климент. Если же Лин не преемник, а только ставленник Петра, то еще менее преемниками Петра могут считаться преемники Лина.

Мы еще можем ответить французскому наставнику на предложенное нам свидетельство грека, о важности Римского престола свидетельством латинского писателя. Иероним в письме к Евагрию говорит: «Если рассуждать о важности, то мир больше Рима. Где бы ни был епископ, в Риме ли, или на Дону, или в Евгубине, он имеет то же достоинство, то же священство. Великолепие, богатства и смирение нищеты не делают епископа ни высшим, ни низшим. Зачем ты мне предлагаешь обычай города? Зачем ты говоришь, что таких немного? Эта избранность произвела гордость».

Добавим соборные свидетельства церкви о том же предмете. Собор Карфагенский говорит: Епископ «первого престола да не называется главой священников, или верховным священником, или как-нибудь подобноэтому, а только епископом первого престола».*

«Кто захочет в суды за море (то есть к Римскому престолу) переносить дела, тот никем в Африке да не будет принят в общение».**

Как явно противоречит этим правилам нынешняя римская церковь, называя римского епископа наместником Христовым и считая римский престол общим верховным судилищем церковных дел?

И.: Мне кажется, впрочем, что должен быть где-нибудь центр единства церковного.

У.: Он всегда был и есть в Духе Христовом. Так, апостол заповедует сохранять единство духа в союзе мира. Едино тело,— продолжает он,— един дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно Крещение, один

* По Славянской Кормчей — 39.

** По Славянской Кормчей — 26.

Бог и Отец всех (Еф. 4, 3, 4, 5, 6). Если нужен еще какой-то центр церковного единства, то для чего апостол не прибавил: «один князь апостолов Петр, и один епископ римский, глава всех епископов?»

И.: Посмотрим, что остается от рассуждения французского писателя.

У.: Остаются выводы, извлеченные им из его предыдущих положений, которые он считает неоспоримыми, но неосновательность которых, надеюсь, ты увидел из нашей беседы. французский наставник говорит: «Если Церковь, признававшая папу видимым главой, была беспрекословно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то она будет такой и всегда, ибо в этом пункте никогда не может быть изменения в Церкви».

Первое положение этого умозаключения: «Церковь, признававшая папу видимым главой, была истинной Церковью в течение восьми первых веков», — я смею назвать ложным, ибо приведенные мной правила соборов и свидетельства писателей ясно показывают, что вселенская Церковь восьми первых веков христианства не признавала папы видимым своим главой. Но вместе с ложным началом сами собой рассыпаются и все следствия, которые хотят из него извлечь.

Итак, мне кажется, что я имею теперь твердое право обратиться рассуждение французского писателя в свою пользу следующим образом:

Если Церковь, не признававшая папу видимым главой, была беспрекословно истинной Церковью в течение восьми первых веков, то она будет такой и всегда, ибо в этом пункте никогда не может быть изменения в Церкви.

Но я не должен скрывать от тебя, что последнее положение писателя мне кажется подозрительным.

И.: Какое положение?

У.: В этом пункте, говорит он, никогда не может быть изменения в Церкви. Кажется, он хотел сказать, что Церковь, которая была истинной, не может впасть в соблазн.

И.: Ну и что же? Не сказал ли сам Спаситель, что *врата адовы не одолеют ее* (Мф. 16, 18)?

У.: Так! Но Спаситель не сказал, что врата адовы не одолеют римской церкви, а сказал только: *создам Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее*. А французский наставник, если я не ошибаюсь, хотел сказать, что, если римская церковь однажды признана истинной, то и должна быть признаваема таковой всегда.

И.: И правда, трудно вообразить, чтобы первая из церквей поколебалась.

У.: Первенство чести человеческой — это не защита от искушений и самого падения.

И.: Если это так, то нужно бояться, чтобы и все Церкви не пали одна за другой.

У.: От этого страха нас должны удерживать слова Спасителя о вселенской Церкви: *врата адовы не одолеют ее*. Поместные Церкви могут колебаться и падать. В Апокалипсисе они уподобляются светильникам, в которых не только может оскудевать свет истины и елей любви (Ап. 1, 20), но которые даже могут быть сдвинуты со своего места (Ап. 2, 5), то есть ощутимо или совершенно отброшены. Но между тем, как некоторые из них гаснут и падают, *Ходящий среди семи золотых светильников* (Ап. 2, 1) переносит их из одной страны в другую и возжигает вновь светлее прежнего. Так любая поместная Церковь может не только поколебаться, но и разрушиться, но вселенская Церковь никогда никакой злой силой побеждена быть не может.

И.: Как ты думаешь, в каком состоянии сейчас находится светильник римской церкви?

У.: Это видит и знает Он и в Фиатирской церкви, которая *знает дела и любовь, и службу и веру, и терпение, и последнее больше первых, находит, однако, нечто достойное укорения: Имею немного против тебя* (Ап. 2, 19, 20.) Напротив, и в Сардийской, *именем только живой*, делом же *мертвой*, находит хотя бы *мало имен, которые не осквернили риз своих и будут ходить в белом потому что достойны.* (Ап. 3, 1, 4.) Для меня достаточно, что я в светильнике Восточной Церкви нахожу чистый свет, который может просветить мою тьму.

И.: Но ты же, оправдывая Восточную Церковь, тем самым осуждаешь Западную.

У.: Я только не разделяю тех особых мнений, которые, после некоторого исследования, считаю недоказанными или ложными. Но поскольку я не знаю, многие ли из западных христиан и глубоко ли проникнуты этими особыми мнениями, обнаруженными в Западной церкви, и кто из них насколько твердо держится верой *краеугольного камня* вселенской Церкви — Христа, то проявленное мной справедливое уважение к учению Восточной Церкви никак не простирается до суда и осуждения западных христиан и Западной церкви. По церковным законам я предаю поместную Западную церковь суду Церкви вселенской, а души христианские суду или милосердию Божьему.

И.: Но, ты, по крайней мере, предпочитаешь Восточную Церковь западной?

У.: Ты не мог не заметить этого.

И.: Мне бы хотелось, чтобы ты убедительнее показал мне, как можно сочетать в этом предпочтении и ревность, и терпимость.

У.: Я постараюсь с помощью некоторых чувственных образов объяснить тебе мои мысли, о которых ты можешь судить, как тебе угодно.

На основании слова Божия я представляю себе вселенскую Церковь единым великим телом. Иисус Христос является в нем сердцем, или началом жизни, а также главой, или правящей мудростью. Только Ему ведомы полная мера и внутреннее устройство этого тела. Нам же известны различные его части, и по большей части внешний вид, развернутый в пространстве и времени. Стараясь объять этот образ во все времена существования христианства, я представляю себе его по частям, примерно так, как в книге Даниила представлен подобный этому образ народов и царств. Я нахожу в апостольской Церкви образ главы нового тела, главы из чистого золота (Дан. 2, 32), потом в Церкви укрепляющейся и распространяющейся — подобие персей и рук, далее в Церкви обилующей — подобие чрева, наконец, в Церкви разделяемой и раздробляемой — подобие ног и перстов. В этом видимом образе или видимой Церкви находится невидимое тело Христово, или невидимая Церковь, Церковь славная, не имеющая скверны или порока, или чего-либо подобного (Еф. 5. 27.), но у которой вся слава внутри (Пс. 44, 14) и которой поэтому я чисто и раздельно не вижу, но в которую, следуя Символу, верую, ибо вера — это уверенность в невидимом. (Евр. 11, 1.)

Скрывающая же невидимую видимая Церковь частично открывает чистоту невидимой, чтобы все могли найти и ее, и соединиться с ней, частично скрывает ее славу. Видимая Церковь имеет и здоровые члены, и немощные (1 Кор. 8, 10, 11). Еще во времена апостола Павла в ней были многие, проповедующие

слово Божье нечисто (2 Кор. 2, 17). Неудивительно, что сейчас их еще больше.

Что касается Восточной части нынешнего видимого христианства, я не из-за предрассудка или пристрастия, но по причине ревности, основанной на убеждении и совести, считаю ее правой стороной видимого христианства. Доказательства этого ты мог увидеть в продолжение наших с тобой бесед. Добавлю еще некоторые замечания.

Первое. Грузинская Церковь, основанная в IV веке, оставшаяся с того времени доньше независимой от других Церквей, обособленная по своему положению от разногласий, происходивших между Греческой и римской, доньше очень сходна с Греческой. Чем можно объяснить это сходство, если не тем, что такова была и вся древняя Церковь, от которой обе они берут свое начало?

Второе. Недавно на Востоке открыта древняя Сирская Церковь, с самых давних времен существовавшая отдельно от остальных. Она, как следует из «Христианских изысканий в Азии» доктора Буканана, изданных в Лондоне в 1812 году, и в большей части того, что касается вероисповедания, и того, что касается священноначалия несравнимо ближе к нынешней Восточной Церкви, чем к западной.

Вот новые признаки тесного соединения с древней вселенской Церковью нынешней Церкви Восточной, которую поэтому я и называю правой стороной в составе нынешнего христианства. Благодарю Бога, устроившего Своим милосердным Промыслом так, что и я соединен с этой стороной общим вероисповеданием и причастием Таинств. Я желаю всем сердцем, чтобы все ищущие преуспевания в истинной вере во Христа воспользовались этими чистыми

и обильными средствами к этому преуспению, которые предлагает Восточная Церковь.

Ты ждешь теперь моего суждения о другой половине нынешнего христианства. Но я только просто смотрю на нее, отчасти вижу, как Глава и Господь Церкви врачует многие и глубокие язвы древнего змия во всех членах этого тела, применяя то кроткие, то сильные методы, и даже огонь и железо, чтобы смягчить жесткое, чтобы извлечь яд, чтобы очистить раны, чтобы отделить чужеродное в полумертвых и онемевших составах. И таким образом я укрепляюсь в вере тому, что сила Божия, наконец, восторжествует над немощами человеческими, благо — над злом, единство — над разделением, жизнь — над смертью.

Если быть кратким, то вера и любовь возбуждают меня к ревности о святой Восточной Церкви, а любовь, смирение и надежда учат терпимости к инакомыслящим. Я думаю, что следую в этом духу Восточной Церкви, которая в самом начале каждого богослужения молится не только о благосостоянии святых Божиих Церквей, но и о «соединении всех».

И.: Но мы уже упустили из вида французского обличителя.

У.: У него больше ничего нет, кроме осуждения Восточной Церкви. «Следовательно,— говорит он,— отделяться от церкви, признавшей папу главой, значит отделяться от истинной Церкви Иисуса Христа, значит быть раскольников. Следовательно, Восточные христиане, отделившиеся от нее, раскольники».

И.: Что, ты на это скажешь?

У.: После того, что я сказал против доказательств этих выводов, я уже не имею нужды говорить что-либо против самих этих выводов.

Глава Церкви, Господь наш Иисус Христос, да даст нам *прийти в соединение веры*, и да введет всех в ту *славную Церковь*, в которой не подозревают друг друга в расколе.

Глава XI

И.: Хотя мы уже много говорили о римском епископе как видимом главе Церкви, но я хочу еще спросить тебя об этом.

У.: Я готов сказать то, что знаю и нахожу справедливым.

И.: римская церковь думает, что учение о видимом главе Церкви происходит от Самого Иисуса Христа.

У.: Покажи мне основания этого учения.

И.: Говорят, что Иисус Христос поставил Петра князем апостолов и, вместе с его преемниками, Своим заместителем и видимым главой Церкви. Преемником же Петрова достоинства является римский епископ.

У.: Рассмотрим оба положения. Чем доказывают, что Иисус Христос поставил Петра князем апостолов, Своим заместителем и видимым главой Церкви?

И.: Главное доказательство этого догмата находят в следующих словах Иисуса Христа: *Ты Петр, и на этом камне создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи царства небесного и если что свяжешь на земле, будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, будет разрешено на небесах* (Мф.16, 18, 19.)

У.: То же самое сказано и всем апостолам.

И.: Как?

У.: *Что свяжете на земле, будет связано на небесах; и что разрешите на земле, будет разрешено на небесах.* (Мф. 18, 18.)

И.: Однако не сказано, что на всех апостолах, как на камнях основания, создастся Церковь Христова.

У.: Неправда. Сказано и это обо всех апостолах, а также и о пророках. *Утверждены на основании апостолов и пророков* (Еф. 2, 20.); *стена града Иерусалима, нисходящего с небес, и имеющего двенадцать оснований и на них двенадцать имен апостолов Агнца* (Апок. 21, 10, 14.)

И.: Но Петр — первый камень основания для прочих апостолов.

У.: И это неправда. Первый камень основания как для апостолов, так и для всей Церкви есть один Иисус Христос. Имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем (Еф. 2, 20.) Иного основания, кроме лежащего, никто не может положить, которое есть Иисус Христос (1 Кор. 3, 11.)

И.: Потому же Петру особо сказано: ты — Петр, и на этом камне создам Церковь Мою?

У.: Потому, что на вопрос, предложенный апостолам Иисусом Христом: *А вы за кого Меня почитаете?* — Петр предупредил прочих решительным исповеданием Сына Божьего: *Ты — Христос, Сын Бога Живого* (Мф. 16, 15, 16).

И.: Как же, по твоему мнению, нужно понимать слова: на этом камне создам Церковь Мою?

У.: Блаженный Августин объясняет их так:

«Ты — Петр,— говорит Христос,— и на этом камне, который ты исповедал, этом камне, который ты познал, исповедуя: *Ты — Христос, Сын Бога Живого,— создам Церковь Мою.* На Мне создам тебя, не на тебе создам Меня (то есть Мое Тело, Мою Церковь).

Ибо те, которые хотели назидать людей на человеческом основании, говорили: я Павлов, а я — Кифин то есть Петров (1 Кор. 1, 12).»

Из этого рассуждения блаженного Августина следует: во-первых, что камень, на котором создана Церковь,— не апостол Петр, но Петрово твердое исповедание Христа и Сам Христос; во-вторых, что те, которые говорят: я — Кифин, или Петров, то есть, «я преимущественно принадлежу Петру; я признаю Петра главой всех учителей и самой Церкви»,— по мнению блаженного Августина, хотят утверждать людей на человеческом основании. Вот чего хотят нынешние римские христиане!

И.: Они также приводят в доказательство своего догмата следующие слова Иисуса Христа к Петру: *Я же молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих* (Лк. 22, 32.)

У.: Иисус Христос в молитве обо всех апостолах и всех верующих в Него просил несравненно большего, чем того, чего просит здесь для Петра.

И.: В какой молитве?

У.: В той дивной молитве, которая находится в 17 главе Евангелия от Иоанна. Там взывает Он: *Отче Святой! Соблюди их во имя Твое, чтобы были едино, как и Мы* (Ин. 17, 11.) *Отче! Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною* (Ин. 17; 24.)

И.: Но почему Иисус Христос из всех апостолов особенно молился о Петре?

У.: Потому, что предвидел падение Петра.

И.: Однако же Он сказал Петру: *Ты, обратившись, утверди братьев твоих.*

У.: То есть: «Ты поколеблешься в вере и падешь, однако снова обратишься к ней и восстанешь, тогда постарайся загладить свою ошибку и жарким

покаянием, ревностью, непоколебимым исповеданием истины покажи спасительный пример другим колеблющимся в вере».

И.: римские христиане употребляют в защиту своего догмата еще троекратную заповедь Иисуса Христа, после троекратного вопроса: *Любишь ли Меня?* — данную Петру: *Паси* если перевести с греческого точнее: *питай агнцев Моих, паси овец Моих; паси (питай) овец Моих* (Ин. 21; 15, 17.)

У.: Ты сам говоришь, что в этих словах заключается заповедь. И именно так: заповедь, а не почесть. Не столько власть, сколько должность. И такая должность, которую слово Божие возлагает на всех служителей веры: *пасите стадо Божие* (1 Пет. 5, 2.)

И.: Но заповедь, данная Петру, имеет некоторую особую торжественность и значительность.

У.: Из чего это видно?

И.: Торжественность этой заповеди видна из предшествующего вопроса о большей, чем у прочих фпостолов, любви к Иисусу Христу и троекратного повторения, как этого вопроса, так и самой заповеди.

У.: Я не смею высказать своего мнения о том, что значит эта торжественность, а скажу, как думали об этом блж. Августин, свтг. Амвросий, Златоуст, Елифанний, Кирилл. Приведу слова последнего: «Троекратным исповеданием Петра: *Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя,* — изглажено преступление троекратного отвержения ((Мф. 26, 69 — 75). *Паси овец Моих,*— сказал Иисус Христос, вновь возводя его в сан апостольства, чтобы оно не казалось нарушенным отвержением, случившимся по слабости человеческой».

Зная это замечание древних церковных учителей, прочитаем Евангельские слова сами: *Сказал Симону Петру Иисус: «Симон Ионин, любишь ли ты*

Меня больше них?» То есть ты, который некогда, хвалясь, говорил: *Если и все соблазняться о Тебе, я никогда не соблазнюсь* (Мф. 26, 33),— скажи теперь, правда ли ты любишь Меня более, чем все прочие апостолы? Наученный печальным опытом Петр уже не смеет сказать, что любит Иисуса Христа *более, чем все прочие, а говорит только, что любит Его: да, Господи, Ты знаешь, что люблю Тебя.*

Иисус Христос, одобряя этот смиренный ответ, спрашивает во второй раз уже не о большей, чем у всех апостолов любви, которой некогда хвалился Петр, а просто о любви: *Симон Ионин, любишь ли ты Меня?* С прежним смирением повторяется прежний ответ.

Но когда Петр был спрошен в третий раз, тогда троекратное отречение от Христа предстало его воображению. Это и было причиной того, что вопрос о любви вызвал у него скорбь: опечалился Петр, что *сказал ему в третий раз: «Любишь ли Меня?»* (Ин. 20, 17) Итак, что мы здесь видим: торжество ли Петра или еще большее унижение?

И.: Я еще сказал, что заповедь, данная Петру, особенно знаменательна. Думают, что пасти агнцев — значит руководить христианским народом, а пасти овец — управлять самими пастырями.

У.: Это толкование само говорит о своем достоинстве.

И.: Как?

У.: Пасти овец, говоришь ты, значит управлять самими пастырями. Итак, «овец» значит «пастырей»?

И.: Да, Петр — такой пастырь, перед которым пастыри — овцы.

У.: Если ты говоришь о внутреннем совершенстве, то есть и такие овцы, которые могут быть пастырями своих пастырей. Но если о внешней власти,

то Петру не было сказано: «пасти пастырей, как овец».

И.: Я уже сказал, что под словом овец понимают пастырей.

У.: Я покажу тебе неправильность этого толкования другим способом. Скажи мне: в стаде присутствуют как овцы, так и агнцы?

И.: Да.

У.: Итак, сказать: *пасти овец и агнцев*, не все ли равно, что сказать: «пасти стадо?»

И.: Так.

У.: Следовательно, пасти стадо Христово,— значит пасти пастырей и народ?

И.: Да.

У.: Но всем пресвитерам сказано: *Пасите стадо Божие.* (1 Петр. 5, 2.) Следовательно, всем пресвитерам дана власть пасти пастырей и народ. Вот что выходит из предложенного тобой толкования!

И.: Что же значит в словах Иисуса Христа *агнцы и овцы?*

У.: Выслушай на это объяснение блж. Феофилакта Болгарского:

«Можно делать различие между *агнцами и овцами* и между словами «питать» и «пасти», то есть «давать пищу и управлять стадом». Агнцами могут быть названы простейшие, которые бывают удобно водимы, а овцами — совершеннейшие. Итак, кто любит Христа, тот будет заботиться как об агнцах, так и об овцах, питая агнцев, то есть кротко присматривая за ними и управляя овцами, чем обозначается нечто высшее и совершеннейшее».

И.: Почему же именно Петру заповедует Иисус Христос пасти агнцев и овец?

У.: Из приведенных мной слов свт. Кирилла ты уже мог увидеть, что это нужно было для того, что-

бы вновь возвести Петра в сан апостольства, в котором он поколебался отречением от Христа.

И.: Однако же, ты не можешь, оспорить того, что во многих местах Святого Писания Петр является первым среди апостолов.

У.: Я не имею нужды оспаривать этого. Но я объяснил тебе прежде, что первый среди других еще не глава над всеми. Кроме того, нужно заметить, что апостол Павел не одному Петру, но трем апостолам отдает старшинство над прочими: *Иаков и Кифа, Петр, и Иоанн, почитаемые столпами* (Гал. 2, 9). И подлинно, два последние апостола удостоены были особой близости к Иисусу Христу. Он избрал их свидетелями Своего славного преображения на Фаворе (Мф. 17, 1) и тяжкого страдания в Гефсиманском саду (Мф. 26, 37). Иакова также отличали и уважали как брата Господня и предстоятеля Церкви Сионской, Матери всех церквей. Но при этом апостол Павел равняет себя с этими столпами Церкви: *И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного* (Гал. 2, 6.) А Петра он даже как-то обличил в неправильном поступке: *когда же пришел Петр в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию* (Гал. 2, 11).

И.: Как бы то ни было, римский епископ уже достаточно важен и в том случае, что он является преемником Петрова первенства.

У.: Рассмотрим, является ли римский епископ преемником Петра и в каком смысле. Является ли римский епископ апостолом?

И.: Его престол называется апостольским.

У.: В древности все епископские престолы, основанные апостолами, назывались апостольскими.

И.: В прямом смысле римский епископ, конечно, не является апостолом.

У.: А Петр был апостолом. Следовательно, римский епископ не является преемником Петра.

И.: Петра как апостола. Но не является ли он преемником его как епископа?

У.: Мы немного уже говорили об этом, когда рассматривали слова Иринея о Церкви римской и о преемственности ее епископов. Епископ римский есть местный епископ, а Петр, как и все апостолы, был епископом вселенским, в самом прямом значении этого слова. Следовательно, римский епископ не является преемником Петрова епископства.

И.: Говорят, что Петр учредил главный престол своего епископства в Риме.

У.: Это несправедливо. Первым и главным местом Петра служения был Иерусалим. Все, что говорится в Деяниях апостольских о Петре, происходило на Востоке. Оба Петра послания обращены преимущественно к иудеям (1 Пет. 1, 1; 2 Пет. 3, 1). Апостол Павел ясно говорит, что Петру были поручены Иудеи, это признавали и другие апостолы: увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных (то есть язычников), как Петру для обрезанных, то есть Иудеев (Гал. 2, 7).

И.: Но Петр скончался в Риме, и поэтому там остался главный престол его епископства.

У.: И Павел скончался в Риме, поэтому там остался главный престол и его епископства. Сколько же будет в Риме престолов епископства?

И.: Павел не был главным основателем римской церкви.

У.: Иринея не различая говорит, что славнейшие апостолы Петр и Павел основали и утвердили церковь римскую.

И.: Говорят, что Петр управлял римской церковью 25 лет.

У.: Это говорят в нынешнем Риме, а в древнем Лактанций писал, что «когда уже правил Нерон, тогда Петр пришел в Рим. Известно, что в десятый год правления Нерона Петр принял мученическую кончину».

И.: Скажи же мне, чьим, по твоему мнению, преемником был первый римский епископ?

У.: Ничьим.

И.: Как это?

У.: Как первый.

И.: Но до него Петр, или, по словам св. Иринея, свв. Петр и Павел исполняли должность епископскую, которую потом препоручили ему. Как же он может не быть их преемником?

У.: В этом смысле каждый епископ первенствующей Церкви был преемником какого-либо апостола. Тертуллиан говорит: «Пусть еретики откроют начало их Церквей; пусть покажут преемственность их епископов, которая непрерывно восходила бы к епископу, бывшему преемником какого-либо апостола или апостольского мужа, жившего в одно время с апостолами. Так, как например, Церковь Смирнская представляет Поликарпа, поставленного Иоанном, как Церковь Римская — Климента, рукоположенного Петром, как все прочие Церкви представляют епископов, которые, будучи возведены в епископство кем-либо из апостолов, преподали своим преемникам апостольское семя».

В этом смысле и все нынешние, законно поставляемые в какой-либо Церкви епископы, являются преемниками апостольского семени.

И.: По крайней мере, ты согласишься с тем, что римская церковь и римский епископ всегда имели первенство?

У.: Нет, и этого мнения я не признаю истинным.

Матерью всех церквей, по словам Отцов Константинопольского собора, матерью христианского имени, по словам Императора Юстина, имеющей первое место в Церкви вселенской и первенство, по словам Авита,^{*} является Церковь Иерусалимская. Она основана самим Иисусом Христом, Который был и невидимым и видимым Главой ее, утверждена сошествием Святого Духа, распространена всеми апостолами, дольше всех прочих управлявшаяся апостолами, прежде всех процвела мученичеством и была великой житницей, из которой семена спасительного учения были разнесены по лицу всей земли.

И.: Правда, что эти преимущества очень важны. Но почему Петр, как первенствующий среди апостолов, не остался навсегда в Иерусалиме?

У.: Замечай поэтому, что Петр не думал создавать столицы христианства, как решили сделать после, а хотел исполнить заповедь своего Учителя: *идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. 15, 15). Эта-то заповедь привела его, наконец, и в Рим.

И.: И он не принес с собой первенства римской церкви?

У.: Представь себе, что какой-нибудь правитель, посещая свои области, приходит в какой-нибудь отдаленный от столицы город и там умирает. Становится ли таким образом этот город столицей?

И.: Конечно, нет.

У.: Петр не столько правитель, сколько служитель Церкви, обходя весь мир с проповедью Евангелия, приходит в Рим и там умирает. Разве римская Церковь стала от этого столицей вселенской Церкви.

^{*} Письмо 23.

Представим на минуту, что мы находимся в первенствующей Церкви. В 64 году по Рождестве Христовом Петр умирает в Риме. Сделаем римского епископа преемником Петра, первым в мире епископом, и, если угодно, даже видимым главой Церкви. Посмотри же, что мы делаем. До конца I века остаются в живых апостол и евангелист Иоанн, возлюбленный ученик Иисусов, и епископ Иерусалимской Церкви, апостол Симон Зилот, родственник Господень. Мы отдаем первенство римскому епископу и над ними? Я уверен, что ты на это не согласишься. Но если до конца I века, пока в Восточной Церкви остаются в живых Апостолы, римские епископы не будут иметь первенства, то откуда они возьмут его во II веке?

И.: Ты, однако же, прежде сказал и доказал, что соборы отдавали римскому епископу первенство места. Откуда же оно взялось?

У.: Епископы первенствующей Церкви, помня слово Христа:

Тот, кто хочет среди вас быть первым, да будет всем раб (Мф. 20, 27), без сомнения, считали сами себя последними рабами. Следует полигать, что вопрос, кому из них принадлежит первенство, не приходил им в голову, пока были живы Апостолы и пока не начали созываться многочисленные соборы. Когда же начали созываться соборы, тогда Церкви известнейших городов, где бывает большое скопление народа, следовательно, и христиан, такие Церкви, в которых была верно известна преемственность епископов от Апостолов, получили первенство перед окрестными не столь известными церквями, и стали их прибежищем.

Таковы были Антиохийская Церковь, епископы которой происходили от Павла и Петра, Алек-

сандрийская, епископы которой начинались от евангелиста Марка, и римская, епископы которой возводили свое происхождение к Петру и Павлу. Порядок требовал, чтобы и из трех епископов известнейших Церквей дать кому-либо первенство. По словам вселенского правила, «отцы дали приличное первенство епископу Рима, как царствующего города». Заметь это выражение соборного правила: «отцы дали первенство», следовательно, его дали не апостолы и не Христос.

Нет! Церковь Христова ни в каком смысле не является телом римского епископа, поэтому взаимно римский епископ ни в каком смысле не является главой Церкви.

Сами Апостолы и пророки — служители Церкви. Никто, кроме Иисуса Христа не называется в Святом Писании ее главой. *Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению Святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в еденство веры и познания Сына Божьего, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, но лукавству челоуеков, по коварному искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос* (Ефес. 4, 11-15).

Глава XII

И.: Еще вопрос о священноначалии Русской Церкви. Она прежде зависела от патриарха Царградского, потом, с согласия Восточных патриархов, получила собственного патриарха, что, конечно, все равно. После место патриарха занял Святейший

Синод. Не произошли ли тогда перемены в священноначалии Русской Церкви?

У.: Ничуть. Во все времена и во всех Церквях были Синоды, занимавшие места патриархов.

И.: Что ты говоришь?

У.: Каждый раз, когда в какой-либо Церкви умирал патриарх, в ней созывался собор — а по-гречески: Синод,— который и занимал место патриарха.

И.: Обладал ли всей полнотой патриаршей власти такой собор, или Синод?

У.: Без сомнения.

И.: Мог ли он избрать и рукоположить епископа?

У.: Он избирал и рукополагал патриарха, как же он не мог избрать и рукоположить епископа?

И.: Существуют для этого церковные правила?

У.: Первое апостольское правило говорит: «епископ да рукополагается двумя или тремя епископами». Соборные правила повелевают участвовать в рукоположении епископа епископам целой области, а в случае необходимости, также трем епископам, с согласия прочих.*

Подобным образом издревле решались и другие важнейшие церковные вопросы, а тридцать седьмое апостольское правило повелевает: дважды в год да бывает собор — Синод епископов. Это подтвердил первый вселенский собор,** но шестой вселенский собор, заметив, что такие частые собрания епископов неудобны и обременительны для них, предписал*** собирать соборы одножды в год. Затем боль-

* Первого Никейского Собора правило 4. Карфагенского собора правило 13. Антиохийского собора правило 19.

** Правило 5.

*** Правило 8.

шая часть дел, издревле подлежавших Синодам, перешла к патриархам и митрополитам.

По причине огромного пространства Русской Церкви, а также по причине современного делопроизводства, невозможно было в России собирать Синод один или два раза в год, а нужно было бы, чтобы он существовал всегда. Поэтому и учрежден постоянный Синод.

И.: Кого нужно считать высшим в священноначалии: патриарха или Синод?

У.: Общий Синод* всей Русской Церкви мог бы судить самого патриарха, частный Синод избранных епископов, в полном составе, пользуется правами, равными правам патриарха. Поэтому Синод так же, как патриарх, именуется Святейшим. Патриарх — это Синод в одном лице; Синод — это патриарх в нескольких избранных освященных лицах.

* * *

Святым градом пророк называет Церковь, так как она освятилась не служением по закону, *ибо закон ничего не довел до совершенства* (Евр. 7, 19), но сделавшись сообразной Христу и причастницей Божественного естества через общение Святого Духа, Которым мы и запечатлены в день избавления (см. Еф. 4, 30), омывшись от всякой скверны и освободившись от всякой нечистоты.

Святитель Кирилл Александрийский

* Здесь общий Синод равносителен Поместному собору, поскольку после упразднения Патриаршества Поместный Собор Русской Церкви ни разу не собирался, вплоть до 1917 г.

Выписка

Из Окружного письма Фотия,
патриарха Константинопольского
к Восточным патриаршим престолом.

Болгарский народ от грубости и христоненавистничества, обратился к кротости и богопознанию, отвергнув заблуждение языческого суеверия, сверх ожидаемого, пришел к христианской вере.

Но не прошло еще и двух лет со времени принятия им правой христианской веры, как порождения западной страны устремились на народ, новонасажденный в благочестии. Они всячески исхитряются развратить этих новопросвещенных и отторгнуть их от правого и чистого непорочного христианского учения.

Во-первых, в противоположность церковным правилам, привели их к посту в субботы. А обыкновенно даже малое отступление от преданий ведет к полному пренебрежению христианским учением. Далее, отделив от прочего времени Четырдесятницы первую седмицу, дали разрешение на молоко, сыр и тому подобное чревоугодие. Отсюда, расчищая им путь к отступлениям и совращая с прямого и царского пути, внушили им отвращение и омерзе-

ние к живущим в законном браке пресвитерам, истинным иереям Божиим. Так сеяли они семена ереси манихейской, и души, в которых едва начало произрастать семя благочестия, повреждали подсеянными плевелами.

Кроме этого, миропомазанных пресвитерами они не побоялись миропомазывать вторично, объявляя себя епископами и баснословия, будто миропомазание пресвитеров недействительно и совершается напрасно: «Нельзя,— говорят они,— священникам освящать миром крещеных, ибо это предоставлено законом одним архиереям».

Этим они попирают сверхъестественные и Божественные христианские таинства, как будто это продолжительное пустословие и громкое смехотворство. Вот мудрование этих подлинно неосвященных людей.

Откуда такой закон? Кто законодатель: кто из апостолов, или отцов, или какой собор, где и когда состоявшийся? Чьими голосами вынесено решение о том, будто священнику нельзя запечатлевать миром крещаемых? Если так рассуждать, то нельзя будет ему ни крестить, ни священнодействовать! Таким образом, пусть уж он не на половину, но всецело будет извержен в круг непосвященных.

Священник священнодействует Телом Господне и Кровь Христову, и ими освящает уже давно крещенных. Как же не может он святить миропомазанием новокрещенных? Священник крестит, призывая на крещаемого очистительную благодать. Как же отнять у него право ограждать и запечатлевать то очищение, совершителем которого он является? Но если отнимешь у него право запечатлевать очищение, то не оставишь ему права и служить при очищении, и над кем-либо совершать его. И все это для того,

чтобы твой священник, украшенный пустым именем, показывал в тебе главу и епископа одного с ним чиностояния.

Впрочем, это еще не конец их отступления от законов. Если есть какой-либо предел бедам, они достигли его. Ибо, кроме вышеназванных непристойностей, они с крайней дерзостью отважились повредить чужими вымыслами и привнесенными словами священный и святой Символ веры, который утвержден непоколебимо определениями всех вселенских соборов. О, ухищрения лукавого, сеющего новый раздор между единоверными! Помыслили говорить, что Дух Святой не от Отца только, но и от Сына исходит.

Кто из освященных христиан может вынести, когда в Святую Троицу вводятся два начала: одно — для Сына и Святого Духа, то есть Отец, а другое — для Святого Духа, то есть Сын, и таким образом, единоначалие разделяется на двоебожие?

Но почему Святой Дух должен исходить от Сына? Ибо если исхождение Его от Отца совершенно, — совершенно же оно потому, что Бог Совершенный исходит от Бога Совершенного, — то какое еще нужно исхождение от Сына, и для чего? Это было бы излишне и не имело бы значения.

Если личное свойство Святого Духа познается в том, что Он исходит от Отца, равно как и личное свойство Сына — в том, что Он рождается от Отца, и при этом Святой Дух исходит, как они мечтают, и от Сына, то отсюда следует, что Святой Дух отличается от Отца большим количеством личных свойств, чем Сын. Ибо, по их мнению исхождение Святого Духа от Отца и Сына — это общее для Них свойство. Напротив, личное свойство Святого Духа — это Его исхождение от Отца и также исхождение от Сы-

на. Если бы Святой Дух отличался большим числом свойств, чем Сын, то был Сын бы ближе к сущности Отца, чем Святой Дух. Таким образом, снова появляется Македониева дерзость против Святого Духа, скрываясь под новой личиной тех людей.

Святой Дух, говорят, происходит от Сына. От кого ты это слышал? От каких евангелистов заимствовал эти слова? Какого собора это изречение?

Господь и Бог наш говорит: Дух, Который от Отца исходит; а породившие этот новый соблазн говорят: Дух, Который от Сына исходит.

Кто захочет слушать это дерзкое мнение? Оно противоречит Евангелию, восстает против святых соборов, отвергает блаженных и Святых Отцов: Афанасия Великого, преславного в богословии Григория, Василия Великого, это царское украшение Церкви, Иоанна, истинно Златоустого. Но зачем я упоминаю о том или другом? Против всех вообще святых пророков, апостолов, иерархов, мучеников, и против слов Самого Господа вооружается этот дерзкий и богоборческий голос.

Если Сын от Отца рождается, а Святой Дух от Отца и Сына исходит, то, поскольку относится к двум началам, обязательно должен быть сложен.

Если исхождение Святого Духа от Отца дает бытие Святому Духу, то что принесет Святому Духу исхождение от Сына, если одного исхождения от Отца достаточно для бытия? Ибо едва ли кто осмелится сказать, что исхождение Святого Духа дает что-либо иное, кроме бытия, поскольку всякая двойственность и сложность сильно удалены от этого блаженного и Божественного Естества.

Вот такие отступления от законов западные епископы распространили в болгарском народе. Весть об этом достигла нашего слуха, и мы поражены

смертельным ударом в самое сердце, подобно тому, как если бы кто увидел своих родных детей, на его глазах съедаемых и терзаемых зверями и змеями. Ибо было бы естественно впасть в безысходную печаль и скорбь о потере детей тому, кто положил много трудов и забот и проливал пот для их воспитания и просвещения.

Поэтому мы настолько сетовали о случившемся с ними несчастье, насколько испытывали полную радость, видя их освободившимися от древнего заблуждения.

Мы оплакивали их и оплакиваем, и ради восстановления их от падения «не дадим очам нашим сна, и векам дремания» (См. Пс. 131, 4), пока снова не введем их в дом Господень, насколько будет возможно.

Мы оплакивали их и оплакиваем, и ради восстановления их от падения «не дадим очам нашим сна, и векам дремания» (См. Пс. 131, 4), пока снова не введем их в дом Господень, насколько будет возможно.

А новых проводников в отступление, столь многими и великими расколами раздирающих этот новонасажденный и младенчествуемый в благочестии народ, этих обольстителей и богоборцев мы осудили соборным и божественным определением, не вновь ныне изрекая суд, но обращаясь к соборным и Апостольским постановлениям, в которых уже предопределено им осуждение, и объявляя это всем.

Пятьдесят пятое правило Святого и вселенского шестого собора говорит: «Поскольку мы узнали, что живущие в Риме в пост святой Четырдесятницы по субботам постятся, вопреки преданному церковному последованию, то Святой собор соизволяет, чтобы и в римской Церкви нерушимо было хранимо такое правило: если какой-либо причетник постится в воскресенье или в субботу, кроме одной Великой субботы, да будет извержен; если же мирской человек,— такой да будет отлучен».

Об отвращающихся же от брака четвертое правило Гангрского собора говорит: «Если кто рас-

суждает и не хочет принять Причастия от пресвитера, имеющего законную жену, и говорит, что от него, как служащего, не должно принимать Причастия, да будет проклят».

И шестой собор, согласно с этим произнес на них суд:

«Поскольку мы узнали, что в римской Церкви считается правилом следующее: если кто хочет быть пресвитером или диаконом, тот должен до рукоположения развестись и уже никогда не сходиться со своей женой,— то, следуя древнему Апостольскому правилу, желаем, чтобы и отныне законное сожителство рукополагаемых в священный чин было твердо, никак не расторгая их совокупления со своими женами, и не лишая их смешения во время подобно. Поэтому, если кто будет достоин рукоположения в диакона или иподиакона, такому никак не возбранять восходить на эту ступень, если он имеет по закону совокупленное с женой сожителство; и во время рукоположения не требовать от него обещания, что он будет удаляться от законного совокупления со своей женой, чтобы этим не унижить Самим Богом установленное и Его присутствием благословенного брака, тем более что и евангельское слово говорит: *кого Бог сочетал, человек да не разлучает* (Мф. 19, 6); и Апостол учит: *брак у всех да будет честен, и ложе нескверно* (Евр. 13, 4), и еще: *мужу не оставлять жены своей* (1 Кор. 7, 10). Итак, если кто дерзнет, в противоположность Апостольским правилам, кого-либо из посвящаемых в пресвитера, или диакона, или иподиакона лишать общения и совокупления с законной женою, да будет извержен, равно если и пресвитер или диакон захочет под предлогом благоговения развестись со своей женой, такой да будет отлучен; и потом

пробывающий неисправным, да будет извержен из сана».

Разрешение же первой седмицы Великого поста и вторичное миропомазание крещеных и уже миропомазанных, по моему мнению даже не требуют приведения правил для своего осуждения, поскольку одно упоминание об этом само собой показывает крайнее неблагочестие.

Впрочем, и одной той ужасной дерзости против Святого Духа, и более — против всей Святой Троицы, даже если бы ничего другого из сказанного не было сделано, достаточно для того, чтобы подвергнуть их многим осуждениям.

Ведение и рассмотрение этого дела, по древнему церковному обычаю, мы сочли долгом представить вашему братству о Господе. Убеждаем и молим вас быть нашими верными соратниками в искоренении этих неблагочестивых и небоголюбивых мнений и не оставить святоотеческого постановления, которое вам передали для соблюдения предки, но с большой тщательностью и усердием избрать и послать вместо себя местоблюстителей, мужей, которые должны будут представлять вас, украшенных благочестием и священством, словом и жизнью, чтобы изгнать яд этого неблагочестия, недавно влитый в сердце Церкви, и тех, которые имели безумие посетить таковые плевелы в народе новонасажденном и едва утвержденном в вере, самих с корнем исторгнуть и общим судом предать тому огню, который обещают для отлученных слова Господни.

Когда таким образом будет изгнано неблагочестие и утверждено благочестие, мы сможем иметь благую надежду снова обратить новооглашенный и новопросвещенный болгарский народ в переданную ему веру. А ведь не только этот народ переменял

прежнее нечестие на веру во Христа, но и народ, называемый Рос — тот, о котором многие рассказывают многое и который в жестокости и кровопролитии превосходил всех, который, поработив живущих вокруг и возгордясь своими победами, поднял руку и на римскую Империю. И он, однако, теперь сменил языческое и безбожное учение, в котором прежде пребывал, на чистую и правую христианскую веру, и вместо недавнего враждебного нашествия на нас и великого насилия, с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И так воспламенила их любовь и ревность к вере *благословен Бог во веки!* (Рим. 1, 25) — взываю я с Павлом), что с великим усердием и тщанием приняли и епископа, и пастыря, и христианское учение.

Итак, если в то время, когда благодатью человеколюбивого Бога, Который хочет, чтобы все люди спаслись и пришли в разум истины, эти народы отказываются от своих старых мнений и вместо них принимают чистую христианскую веру, придет на помощь нам и ваше братство, содействуя в исторжении и сожжении плевел, то мы на Господа Иисуса Христа, Истинного Бога нашего уповаем, что стадо Его еще более умножится, и исполнится сказанное: познают Меня все от мала до велика; и еще: всю землю обошло вещание апостольского учения, и до края вселенной слова их (Пс. 18, 5).

Для этого нужно, чтобы те, кого вы пошлете вместо себя и кто будет представлять ваше освященное и святое лицо, были облечены властью, которую вы во Святом Духе стяжали, чтобы по власти, подобающей апостольскому престолу, они могли законно высказывать мнения об этих и подобных им предметах и невозбранно утверждать действительные решения. Ибо мы получили некоторое соборное

послание и из Италии, исполненное несказанных жалоб, которые живущие в Италии приносят на своего епископа, сопровождая их многими обвинениями и многими заклинаниями, прося не презирать их, погибающих в таких бедах и угнетаемых такими тяжким и жестоким давлением, а также не оставить и нарушаемых законов священства, и всех извращаемых постановлений Церкви.

То же самое всем стало известно и прежде — от монахов и пресвитеров, бежавших оттуда. То были: Василий, Зосима, Митрофан и другие, которые с плачем жаловались на это жестокое преобладание и со слезами призывали к защите Церкви. Ныне же, как я сказал, получены оттуда различные от различных лиц письма, исполненные стенания и многих слез, как то покажут вам списки с сих писем, по желанию и требованию писавших представляемые, поскольку они с страшными заклинаниями и убеждениями умоляли, чтобы это разослано было ко всем Архиерейским и апостольским престолом. Приобщили же мы это к настоящему письму для того, дабы, когда соберется о Господе святой вселенский собор, тогда по общему суждению и о этом было бы постановлено то, что угодно Богу и согласно с правилами соборными, да глубокий мир объмет Церкви Христовы.

Поэтому ваше о Господе братство медлением и отсрочиванием да не принудит братий ваших к ожиданию чрезмерно продолжительному, ведая, что если бы за неучастием вашим произошло что-либо ненадлежащим образом и несовершенное, то не иной кто, но Вы сами были бы виновны в том.

Конец и Богу слава!

Приложение

Святитель Игнатий Ставропольский

ПОНЯТИЕ О ЕРЕСИ И РАСКОЛЕ*

1

Ересь — ложное учение о христианстве

Ересь — слово греческое (αἵρεσις) — значит вообще какое-либо отдельное учение. Так, христианское учение при появлении своем иногда называлось ересью (Деян. 28, 22). Но впоследствии название ересь усвоилось единственно произвольному и ложному учению о христианстве, отделявшемуся и отличавшемуся от учения Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви.

Христианство есть Божие учение, есть Откровение Божие. Оно, как познание, дарованное человеком Богом, должно быть принято и содержимо с величайшим благоговением и покорностью, подобающим этой величайшей святыне. Оно может быть принято и содержимо одною смиренною верою, как вполне превысшее человеческого разума. Это — та духовная, таинственная книга (Апок. 22, 18, 19), книга ведения Божия, начертанная и изданная Богом, к которой невозможно приложить ничего, из которой невозможно исключить ничего. Отсюда явствует, какой тяжкий

* ГПБ, ф. 425, картон 1.

грех — ересь. Она — возмущение и восстание твари против Творца, восстание и возмущение ничтожнейшего, ограниченнейшего существа — человека — против Всесовершенного Бога. Она — страшно сказать, — суд человека над Богом и осуждение человеком Бога. Она — грех ума, грех духа. Она — хула на Бога, вражда на Бога. Она — плод гордыни, этой причины падения падших ангелов. И последствия падения ею очень схожи с последствиями падения отверженных духов: она омрачает разум, ожесточает сердце, на самое тело разливает яд свой, вводит в душу вечную смерть. Она не способна к смирению (Святой Иоанн Лествичник). Она соделывает человека вполне чуждым Бога. Она — смертный грех. Как плод гордыни, ересь держит в железных цепях своего пленника, и редкий пленник исторгается из цепей ее. Упорство в ереси есть свойство еретика.

Первыми еретиками были христиане из иудеев, которые, по наружности уверовав во Христа, хотели вместе с этим держаться обрядового и гражданского закона Моисеева в буквальном его смысле. Прообразовательный закон был исполнен искуплением человечества и установлением духовного закона свободы, чего он служил предызображением, тенью. Таким исполнением он уничтожен: к чему могут служить прообразования, когда получено прообразованное? К чему залогов обетования, когда даровано обетованное? Желаящийся остаться при прообразованиях этим самым отказывается от прообразованного.

Святой апостол Павел говорил христианам, думавшим сочетать христианство с иудейством: *если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21). *Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Вы, оправдывающие себя законом* (Моисеевым), *остались без Христа* (отчуждились от Христа), *отпали от благодати* (Гал. 5, 2, 4). К иудеям, при-

нявшим христианство, потом обратившимся к иудейству, произнес апостол следующие грозные слова: *Невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произрастающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение* (Евр. 6, 4–8).

Церковная история свидетельствовала справедливость этого изречения: человечество совращалось в ересь целыми народами, а обращение от ереси к Православию видим в весьма немногих частных лицах, и то редко, весьма редко. Страшный яд — ересь! Неудобостижимый яд — ересь!

Другим источником ересей сделалась языческая философия и вообще человеческая ученость. Писатель II века, Тертуллиан, объяснил с подробностью и точностью, что все заблуждения, нарушившие мир Церкви, имели источником своим непременно какую-либо философскую школу. Это очень естественно: книжник, или земной ученый, должен, по завещанию Спасителя, научиться царствию Божию, чтобы прийти в состояние *выносить из сокровищницы своей ветхое и новое* (Мф. 13, 52), то есть предлагать учение Божие в формах учености человеческой.

Научиться царствию Божию — значит стяжать царствие Божие внутри себя. Без этого земной ученый может предлагать одно ветхое, хотя бы он беседовал о Боге из душевного, школьного знания. Ему невозможно избежать заблуждения, несмотря на всю его ученость, потому что ветхость, в духовном

смысле, и есть состояние заблуждения и самообольщения. Святой Симеон, Христа ради юродивый, указал причину заблуждения ученейшего и даровитейшего Оригена в том, что Ориген не принял на себя труда перейти из состояния душевного в духовное и, уплывши далеко в мысленное море, потонул в нем.*

Необходимо, вполне необходимо всякому христианину ученому, особливо христианскому учителю, не останавливаться на своей земной учености, как бы он ни был богат ею, но перейти из плотского и душевного состояния в духовное и получить живое, благодатное познание о Боге. *Кто имеет заповеди Мои* насажденными в сердце своем, так чтоб они составляли имущество и сокровище человека, — сказал Господь, — *тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюся ему Сам* действием Святого Духа (Ин. 14, 21). Имеющий Слово Божие насажденным и пребывающим в себе, сподобившийся боговидения по причине чистоты ума, отрясший душевную глухоту и слышащий Божий глас (см. Ин. 5, 36—37), с дерзновением и силою возглаголет о Господе своем, *не так, как книжники* (Мк. 1, 22), ибо *ведом во Иудее Бог: во Израиле велико имя Его* (Пс. 75, 2). Под именем Иудеи здесь разумеется истинная Церковь, а под именем Израиля — те члены Церкви, которые удостоились духовного видения и из него истекающего ведения. Святые Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий и многие другие церковные светильники, стяжав современную человеческую ученость, позаботились, посредством евангельского жительства, перейти из состояния плотского и душевного в духовное, совлеклись ветхого Адама, об-

*Четьи-Минеи. 21 июля. Житие преподобных Симеона и Иоанна, спостника его.

леклись в нового; таким образом они соделались способными преподавать братии своей, человекам, учение новое, в форме ветхой, столько приятной падшему человеку, столько естественной падшему человечеству.

Человеки, увлекаясь земным красноречием святых учителей, незаметно для себя принимали слово спасения, облакавшееся в земное витийство. Напротив того, ученый Арий, несмотря на то, что был пресвитером, красноречивый Несторий, несмотря на то, что был Патриархом, и многие другие, подобные им, находясь в высоких санах церковных, сделались ересиархами и еретиками по той же причине, по которой погряз в глубине мысленного моря венец учености своего века Ориген.

Говорит святой Григорий Синаит: «Те, которые не по Духу пишут и говорят, и Церковь хотят назидать,— *это люди* (телесные) *душевные*, как говорит божественный апостол, *не имеющие Духа* (Иуд. 1, 19). Таковые повинны клятве, гласящей: *Горе тем, которые мудры в себе самих и пред самими собою разумны* (Ис. 5. 21),— ибо от себя говорят, а не Дух Божий говорит в них, по слову Господню (см. Мф. 10, 20). Ибо говорящие от своих помыслов прежде достижения чистоты прельстились духом мнения. Об этом говорит Книга Притчей: *Я видел мужа, считающего себя мудрым. На глупого больше надежды, нежели на него* (Прит. 26, 12). И: *Не мечтайте о себе* (Рим. 12, 16),— Премудрость нам заповедует. Но и сам, исполненный Духа божественный апостол исповедует, говоря: *Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога* (2 Кор. 3, 5); и: *Мы говорим от Бога, пред Богом, во Христе* (2 Кор. 12, 19). Таковых слова несладостны и непросвещенны, ибо не от живого Источника Духа принимая, говорят, но как бы от некого

озера тинного, от сердца, ищущего и питающего пиявиц, и змей, и жаб похотей и кичения, и невоздержания, и вода разума их смердит, она мутна и теплохладна, пьющие от нее, отвращаются, испытывая недугование, и омерзение, и тошноту».*

Священное Писание, изученное по букве плотскими и душевными человеками, послужило для них к изобретению ересей, к погублению ими и себя, и других. Святой апостол Петр сказал о посланиях святого апостола Павла, что их некоторые *невежды и неутвержденные развращают* (по русскому переводу: «превращают»), *как и прочие Писания к своей гибели* (2 Пет. 3, 16). Здесь весьма правильно употреблены слова *развращают* и *превращают*: потому что плотской и душевный человек, не понимая духовного смысла в Писании, дает ему смысл сообразно своему устроению.

Иначе это и быть не может: ведь надобно же душевному человеку получить какое-либо понятие при чтении или изучении Божественного Писания, а Писания он не способен понимать как должно; следовательно, по необходимости он дает себе понятие, какое ему заблагорассудится. Происхождение Священного Писания, способ понимания и объяснения его изображены с полною ясностью святыми апостолами Петром и Павлом. Святой Петр говорит: *Ни какого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произнесимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым* (2 Пет. 1, 20, 21). Это значит: как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святого Духа, так только при посредстве Святого Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо.

* Добротолюбие. Ч. 1. Святой Григорий Синаит. Главы zelo полезные, гл. 128. Память сего святого празднуется Церковью 8 августа (ст. ст.).

Святой апостол Павел говорит: *Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, сообразая духовное с духовным* (1 Кор. 2, 11–13). Отсюда видно, что в изложении и объяснении Писания нисколько не участвовала человеческая ученость, нисколько не участвовало школьное изучение Писания, изучение его буквы, которыми отличались и хвалились иудейские книжники и фарисеи, которое имел и апостол Павел, которое он вменил для себя в тщету ради превосходнейшего познания о Христе Иисусе, даруемого Святым Духом (см. Деян. 22, 3; слич: Флп. 3, 5–8). После вышеприведенного Апостол продолжает: *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о духовном надо рассуждать духовно* (1 Кор. 2, 14).

Это сказал апостол из своего опыта. Он, находясь в состоянии плотского, душевного человека, был изучен Писанию о вере в Бога по современному обычаю, преобладавшему тогда между иудеями, уничтожившему между ними духовное понимание закона (см. Мф, гл. 25), соделавшему иудейских богословов не способными познать и принять Бога, явившегося им во образе Человека с неоспоримыми и яснейшими свидетельствами Божества Своего. При обращении из иудейства в христианство святой Павел весьма быстро перешел из состояния душевного к духовному по причине, предшествовавшей обращению строго нравственной жизни (см. Флп. 3, 6). Обильно наученный Святым Духом, он узнал на себе, что прежние его познания, также обильные в своем отношении, не только не объясняли для него Бога, но и закрывали Бога от него, омрачали его, делали врагом Божиим (см. Рим. 8, 7),

отнимали у него возможность покоряться учению Христову (см. Рим. 8, 7), представляли ему учение Христово странным, диким, нелепым, богохульным (см. 1 Кор. 2, 14).

Станным показалось оно иудейскому учителю Никодиму (см. Ин. 3, 4); жестоким и невыносимым показалось оно многим таким, которые уже были учениками Богочеловека и последовали Ему в Его странствии (см. Ин. 6, 60). Этим соблазненным и оставившим Божественного Учителя ученикам Он сказал: *Дух животворит; плоть* (то есть плотское разумение Слова Божия) *не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6, 63). Плотское разумение Слова Божия приводит к неверию, к соблазну самым всесвятым Словом Божиим, к ложным и превратным заключениям и мнениям, к оставлению Бога, к гибели. И Никодим, уверовавший в Богочеловека ради знамений, совершаемых Богочеловеком, соблазнился Его Словом, давая Слову Божию плотское значение. На слова Господа: *Если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия*, — Никодим возражает: *Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?* (Ин. 3, 3—4).

При смирении душевный человек может низлагать свои помыслы, *восстающие против познания Божия и пленять всякое помышление в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5); но при гордости, при высоком мнении о своих познаниях, при доверии к своему разуму и ведению необходимо должен душевный человек счесть юродством, то есть нелепостью или безумием, Слово Божие, как сказал святой апостол Павел, как доказали это на самом деле иудейские ученые архиереи и священники, отвергнув Господа, как это доказали и доказывают бесчисленные сонмы еретиков, отвергавшие и отвергающие Божественную Истину.

Все, имевшие ученость мира сего и занявшиеся потом очищением себя посредством духовного подвига, искренно сознаются, что они должны были вынести тяжкую борьбу с помыслами человеческой мудрости, восставшими с жестокою силою против евангельского учения и оспаривавшими с необыкновенною упорностью у Евангелия владычество над умом подвижника. Состояние душевное и плотское есть следствие нашего падения: оно есть состояние возмущения против Бога и вражды на Бога. По неспособности душевного человека правильно понимать духовное Святая Церковь воспрещает чадам своим произвольное объяснение Священного Писания, а заповедует строго держаться истолкования, сделанного Писанию Святыми Отцами;* она заповедует всем, желающим с подробностью и точностью узнать христианство, особливо пастырям и учителям, по приобретении познания от людей и из книги, приобрести познание христианства деятельное и живое жительством по евангельским заповедям, распятием плоти *со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), причастием Божественной благодати Святого Духа.

Весьма справедливо преподобный Марк назвал теоретические познания о христианстве — вводными. Сей богомудрый Отец с особенною ясностью излагает необходимость познаний опытных и благодатных, показывает то страшное душевное бедствие, в которое впадает приобретший первые познания и вознерадевший о приобретении вторых.

* Так говорится в грамоте, выдаваемой архиереем иерею по его рукоположении: «Подобает иерею всей душою прилежать чтению Божественных Писаний, и не иначе их толковать, но так, как церковные светила, святые и богоносные Отцы наши, пастыри и учителя, великим согласием истолковали». Далее в грамоте завещается иерею строго нравственная христианская жизнь.

«Ученые, не радящие о духовной жизни,— сказал святой Марк в ответе ученому, утверждавшему, что ученые пребывают вне падения, поддерживаемые своею ученостию,— ниспав одним разом в ужасное и сугубое падение, то есть в падение возношением и нерадением, не могут восстать без молитвы и не имеют, откуда пасть. Ибо какая еще может быть забота для диавола бороться с теми, которые всегда лежат долу и никогда не восстанут. Есть некоторые, иногда побеждающие, иногда же побеждаемые, падающие и восстающие, оскорбляющие и оскорбляемые, борющиеся и боримые; а другие, пребыв в первом падении своем, по причине крайнего невежества, не знают о себе, что они пали. К ним-то с соболезнованием обращается с речью пророк: *Разве, упав, не встанут и, сокротившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? И еще: *Встань, спящий, и воскресни из мертвых и освятит тебя Христос* (Еф. 5, 14)».

К не хотящим воспринять этот труд восстания и пребывания в молитве и подвергнуться лишениям по причине благочестия, ради будущего царства, говорит: *В погибели твоей, Израиль, кто поможет тебе? Ибо только во Мне опора твоя* (Ос. 13, 9)? *Нет ни струпа, ни язвы, ни гноящейся раны* (Ис. 1, 6), не какого-либо зла, из случающихся без согласия воли: ибо сия рана — произвольна, и есть грех к смерти, не исцеляемый и молитвами других. *Врачевали мы,—* говорит Пророк,— *Вавилон, но не исцелился* (Иер. 51, 9), ибо самопроизволен сей недуг, и *нет пластыря, чтобы приложить, ни елея, ни обвязания* (Ис. 1, 6), то есть вспомоществований от других. Вот и Ветхий Завет останавливает уповающего на себя и возношающегося премудростию своею: *Надейся на Господа всею сердцем твоим, и не превозносись премудростью твоею* (Прит. 3, 5).

Это — не одни только слова, как некоторым показалось, приобретшим по сей причине книги, узнавшим написанное в них, ничего из написанного не исполнивших на деле, а только напыщавающимся нагими разумениями. Таковые превозносят себя похвалами за слова и изыскания; они носят между людьми, не знающими дела, громкое название любомудрых; но, не коснувшись трудолюбия, не тайно научившись делу, приемлют от Бога и от мужей трудолюбивых и благочестивых великое поречение (осуждение, нареkanie): ибо они злоупотребили вводительным разумением Писаний, употребив его на показание себя пред человеками, а не на дело, и лишились действующей благодати Святого Духа. Они суть *хвалящиеся лицом, не сердцем* (2 Кор. 5, 12). Посему не знающие дела должны коснуться его, приняться за него: ибо сказанное в Писании сказано не только для того, чтобы знали, но и чтобы исполняли то.

Начнем дело: таким образом постепенно преуспевая, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубочайшее разумение сокровенного, и избавление от искушений, и дарование даров духовных, и исповедание сердечное, и прилежные слезы достаются верным молитвою; и не только сие, но и терпение приключаящихся скорбей, и чистая любовь к ближним, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Святого Духа, и подание духовных сокровищ, и все, что Бог обетовал подать верным человекам и здесь, и в будущем веке.

Отнюдь не возможно душе восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Христовою и верою человека, когда человек пребывает во многом смиренномудрии при непарительной молитве в уме. Как же лишившиеся таковых и стольких

благ, по причине своего неведения и о молитве нерадения, говорят: «мы не пали», и приписывают себе премудрость, не ведая и своего падения, несчастные по причине падения, еще более несчастные по причине своего незнания? Они приобретают только то, что утверждают нас более веровать Писанию, говорящему, что *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19), а сходящая от Бога, *нисходит свыше, от Отца светов* (Иак. 1, 17), и знамение ее — смиренномудрие.

Но хотящие угождать человекам вместо Божественной Премудрости усвоили человеческую; напыщаемые ею и превозносясь ею внутренно, они обольстили многих незнающих, склонив их любомудрствовать не в трудах благочестия и молитвы, а *в убедительных словах человеческой мудрости* (1 Кор, 2, 4), которую апостол часто порицает и называет упразднением Креста Христова. Он говорит в Послании к коринфянам: *Христос послал меня не крестить, но благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова* (1 Кор. 1, 17). И еще: *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и не знатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1, 27—29).

Если Бог благоволит не к словам еллинской премудрости, но к трудам молитвы и смиренномудрия, как показано, то точно суетуют те, которые, оставив первый образ благочестия, как неудобноисполнимый, не хотят спастись ни вторым, ни третьим способом, но пребывают вне священной правды».*

* Слово преподобного Марка Подвижника. Далее святой отец объясняет, что три образа благочестия суть следующие: первый — не согрешать; второй — по согрешении терпеть попускаемые скорби; третий — плакать о недостатке терпения, когда не можем препевать великодушно попускаемых Промыслом скорбей.

Ересь — грех ума

Сущность этого греха — богохульство. Будучи собственно грехом ума, ересь не только омрачает ум, но и сообщает особенное ожесточение сердца, убивает его вечною смертию.

Этим грехом человек всего ближе уподобляется падшим духам, которых главный грех — противление Богу и хула на Бога.

Отличительное свойство падших духов — гордость; отличительное свойство и еретиков — гордость, которой очевиднейшее проявление состоит в презрении и осуждении всех, не принадлежащих к их секте, омерзение ими, лютая ненависть к ним. Но существенное проявление гордости в еретиках и раскольниках состоит в том, что они, отвергнув богопознание и богослужение, открытые и преподанные Самим Богом, усиливаются заменить их богопознанием и богослужениями самовольными, богохульными и богопротивными.

Зараженного ересью и расколом диавол не забывается искушать другими страстями и грехами очевидными. И зачем искушать диаволу того и бороться с тем, кто при посредстве смертного греха — ереси — и убит вечною смертию, и заживо уже составляет достояние диавола? Напротив того, диавол поддерживает еретика и раскольника в воздержании и прочих наружных подвигах и видах добродетели, чтобы этим поддерживать его в самодовольстве и заблуждении, а правоверных личиною святости, которую носит на себе еретик, привлечь к ереси, или, по крайней мере, привести к оправданию и некоторому одобрению ее, также к сомнению в правоверии и к холодности к нему.

Обладающий сокровищем подвергается нападениям разбойников, а у кого нет ничего, того не беспокоят разбойники. Имеющий сокровище правоверия жестоко наветуется врагом! Враг усиленно нападает на правоверного, старается представить его пред обществом человеческим в состоянии побеждения, с такою же целию, с какою старается представить еретика добродетельным и достойным уважения. С такою неудобопостижимую хитростию действует лукавый дух в пользу ереси и во вред истинного христианства. К несчастью, эта кознь его весьма удаётся ему! Ею он уловляет в погибель тысячи человеков.

Многие проводили самую строгую подвижническую жизнь, пребывая в ереси или расколе; когда же приняли Православие, подверглись различным слабостям. К какому это должно привести заключению? К такому, что в первом состоянии враг не ратовал против них, признавая их своими, а во втором — восстал против них лютою войною, как против таких, которые явно объявили и исповедали себя противниками его.

Священное Писание называет лукавого духа не только врагом, но и мстителем (см. Пс. 8, 3). Он не только враждует против человека, но, будучи заражен лютою завистию к человеку, не может равнодушно видеть, что человек совершает добродетели и благоугождает Богу, и мстит человеку за его богоугодныя дела, наводя на него бесчисленные искушения и извне — от злых людей, и внутри — воздвигая в человеке различные страсти.

Странное влияние имеют раскол и ересь на самое тело человека! Ожесточение духа сообщается телу. Не для всех заметно это при жизни человека, но по смерти тело еретика и раскольника мгновенно каменеет, мгновенно начинает издавать непрístupное зловоние. И это совершается особенно над теми из них, которые проводили самую строго подвижничес-

кую жизнь и были знаменитыми учителями своей секты и заслужили всеобщее уважение слепотствующего мира. Они-то и издают по смерти своей самое ужасное зловоние; из иссохших тел их открываются потоки смердящего гноя. Затруднительно совершение погребения их и присутствие при нем. Бесы присутствуют могилам их и являются при них в разных видах или для устрашения, или для обольщения.

Еретика неудобоприступно покаяние и познание Истины. Доступнее покаяние и истинное богопознание для прелюбодеев и уголовных преступников, нежели для еретика и раскольника, особливо если он ученый и подвижник. Доказали то и другие явные грешники и ученые сектанты, современные Христу, упоминаемые в Евангелии: грешники приняли и Господа, и Предтечу Его, между тем как книжники, фарисеи и саддукеи отвергли и Иисуса, и Иоанна.

Несродно чувство покаяния тому, кто вполне доволен собою, а кругом себя видит только соблазн и недостатки всех родов. Признающему себя разумным более всех несродны алкание и жажда беспредельной Божественной Истины, вполне насыщающей питомца Своего и возбуждающей таким насыщением еще большую алчбу и жажду благодатной правды. Несродно отвергнуть свое богохульство тому, кто признает это богохульство святою Истиною; несродно ему узреть Святую Истину, потому что самый орган зрения, душевное око, ум его ослеплен ложью. Обращение еретика и раскольника к правоверию — особенная милость Божия — устраивается особенным Промыслом Божиим для избранных, известных единому Богу. Человеческие средства к обращению раскольников и еретиков — бессильны.

Хотя на Первом Никейском Соборе против Ария и его единомышленников стояли светильники Церкви: Афанасий Великий, Николай Чудотворец, Иаков Низибийский, Спиридон Тримифунтский,

хотя действовали не только силою слова, но и силою знамений, однако не смягчили ожесточенного сонмища еретического и ересиарха Ария, до конца жизни пребывшего упорным и верным своему заблуждению, как повествует Церковная история.

Словопрение — самое слабое оружие против еретиков, оружие более вредное, нежели полезное. Оно делается таким сообразно свойству душевного недуга — ереси. Гордая ересь не терпит обличений, не терпит победения. От обличений она ожесточается; от победений приходит в неистовство. Это доказали бесчисленные опыты.

Побеждается ересь кротким увещанием; еще удобнее — молчаливым приветствием, смирением, любовью, терпением и долготерпением, молитвою прилежною, исполненною соболезнования о ближнем и милосердия к нему. Ересь не может быть побеждена человеком, потому что она изобретение, начинание демонское. Победителем ее может быть один Бог, призванный к борьбе с нею и к поражению ее смирением человека пред Богом и любовью этого человека к ближнему.

Желающий успешно сражаться против ереси должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтобы не выразить их какою насмешкою, каким колким или жестким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика и возмутить в ней страсть ее. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным елеем, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего, и да даруется тебе великий Божий дар — спасение ближнего твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии: в сущности они — немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезно-

ваний. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностю, выражающеюся жестким обличением.

3

Ересь — отвержение христианства

Ересь есть прикровенное отвержение христианства. Когда человеки начали оставлять идолопоклонство, по его очевидной нелепости, и приходиться к познанию и исповеданию Искупителя, когда все усилия диавола поддержать между человеками идолопоклонство остались тщетными, тогда он изобрел ереси, и посредством ереси, сохраняя для держащихся ее человеков имя и некоторую наружность христиан, не только отнял у них христианство, но и заменил его богохульством.

Что такое арианство? Это отречение от Христа и христианства, — отречение от Бога. Если Сын — тварь, как утверждал Арий, то нет и истинного в Трех Лицах Бога. Если Сын — не Бог, то где же воочеловечение Бога? Где причастие человеческого естества естеству Божию (2 Пет. 1, 4), приобретенное для человеков воочеловечением Бога? Где спасение? Где христианство? *Не верующий в Сына не имеет и Отца* (1 Ин. 2, 23), — говорит Слово Божие. Арианство — и безбожие, и богохульство.

Что такое несторианство? Отвержение воочеловечения Бога Слова. Если родился от Девы простой человек, то где же зачатие от Святого Духа (Мф. 1, 18), где событие слов Писания: *Слово стало плотью* (Ин. 1, 14). Где рождение Сына Божия (Лк. 1, 31)? Где христианство? Повторяется Несторием Ариева ересь, но под другою личиною: сущность этих ересей одна — отвержение Христа, а посредством отвержения Христа — отвержение от Бога.

То же делает Евтихий и монофелиты: сливая в Богочеловеке два естества и две воли воедино и утверждая, что во Христе человечество исчезло в Божестве, как капля вина в обширном море, они приходят к той же цели, хотя с другой стороны, к какой пришли Арий и Несторий: потому что, отвергая присутствие человеческого естества в вочеловечившемся Сыне Божиим, они непременно отвергают все, что претерпел Господь как Человек, следовательно, отвергают и искупление человечества страданиями и смертью Господа,— отвергают все христианство.

К тому же стремятся и иконоборцы. Отвергая возможность изобразить Христа живописью, они косвенно отвергают пришествие Сына Божия в плоти человеческой. Если Сын Божий был облечен плотью, то имеется полная возможность Его, неизобразимого по Божественному естеству, изображать как человека. Если можно изображать Его, то изображения Его должны быть особенно почитаемы. Мы почитаем изображения наших родителей, царей, начальников, благодетелей, ставим их на почетные места: тем более должна быть уважаема икона Спасителя нашего, а по ней — иконы Божией Матери и всех святых.

То же усиливается совершить папизм. Так называется ересь, объявляющая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм присваивает папе свойства Христовы, и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех — отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов; он — божество их.

По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы

самим себе и сатане, изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих — и папизм. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную Литургию лишили ее существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Эта существенная часть Литургии находилась во всех Литургиях, преданных апостолами Христовыми по всей вселенной, — находилась и в первоначальной Литургии Римской.* Никакая ересь не выражает так открыто и нагло непомерной гордости своей, жестокого презрения к человекам и ненависти к ним.**

Протестанты восстали против заблуждений папистов,— правильнее — восстали против уродливой власти и божественности пап; но так как они действовали по побуждению страстей, утопая в разврате, а не с прямою целию стремления к Святой Истине, и не так, как искал ее Корнилий Сотник, то и не оказались достойными узреть ее. *Всякий делающий злое, ненавидит Свет и не приходит к Свету* (Ин. 3, 20). Протестанты из всех заблуждений папистов отвергли только нечестивое мнение их о папе; прочим заблуждениям папистов они последовали, многие по-

* См. житие Григория Акрагантского.

** Папизм изобрел ужаснейшие пытки, ужаснейшие казни для человечества. Бесчисленные тысячи людей умерли в душевных темницах, сожжены на кострах, замучены разнообразно. И это ужасное, дышащее убийством, жаждающее крови изуверство называется единым истинным христианством, и с испуганною ревностью стремится увлечь всю вселенную в свою ересь. *По плодам их узнаете их*, — сказал Спаситель (Мф. 7, 16) о учителях и учении их. По плодам своим папизм весьма близко подходит к магометанству: обе эти ереси признают деянием веры и высшею добродетелию все злодеяния и все убийства, совершаемые ими во всяком обществе людей иного вероисповедания.

грешности усилили, к прежним заблуждениям и ошибкам присовокупили много новых. Так, например, они отвергли все Таинства, самое священство; отвергли вовсе Литургию; отвергли все церковные предания и предоставили каждому из своих последователей объяснять Священное Писание по произволу, между тем как оно, будучи произнесено Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом (2 Пет. 1, 21).

К ересям должно отнести и то учение, которое, не касаясь ни догматов, ни Таинств, отвергает жителство по заповедям Христовым и дозволяет христианам жителство языческое. Это учение, которое по наружности кажется как бы не враждебным христианству, в сущности вполне враждебно ему: оно — отречение от Христа. Сам Господь сказал: *И тогда объявлю им* — признающим устами Господа, а делами противоречащим Его воле: *Я никогда не знал вас, отойдите от Меня, все делающие беззаконие* (Мф. 7, 21, 23).

Вера может быть живою только при делах веры; без них она *мертва* (Иак. 2, 26). Впрочем, и самое правильное понятие о догматах христианских теряется от жизни нехристианской. Еще в то время, когда идолопоклонство было очень сильно, еретики проводили жизнь языческую. Святой Афанасий Великий делает это замечание о арианах, которые предавались увеселениям идолопоклонников и сходствовались с ними нравственностью. В новейшие времена языческая жизнь явилась первоначально в недрах папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенною яркостью в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии.

Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особливо сладострастия. Там нет ни чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение. Их поэт, описывая освобождение Иерусалима и гроба Господня, не останавливается призывать музу; он воспеваает Сион вместе с Геликоном, от Музы переходит к Архангелу Гавриилу. Непогрешающие папы, эти новые кумиры Рима, представляют собою образцы разврата, тиранства, безбожия, кощунства над всем святым. Языческая жизнь со своей комедией и трагедией, со своими плясаниями, со своим отвержением стыда и пристойности, со своим блудом и прелюбодеянием и прочими обычаями идолопоклонников, во-первых, воскресла в Риме под сению богов его — пап, отсюда разлилась по всей Европе. При посредстве ересей и, наконец, при посредстве языческой жизни все язычники, принявшие некогда христианство, оставили и оставляют христианство, возвращаются к прежнему совершенному неведению Бога и к служению демонам, хотя уже и не в форме идолопоклонства.

Какая причина такового действия ереси? Причина заключается в том, что этот страшный грех, заключающий в себе хулу на Святого Духа, совершенно отчуждает человека от Бога и, отчуждив от Бога, предает во власть сатаны. В этом состоянии человек не способен ни к какому помышлению, ощущению, деянию духовному, а следовательно, не способен к состоянию духовному; напротив того, развиваются в нем сильно состояния душевное и плотское. В нем обильно исходит премудрость земная, душевная, бесовская, исполненная зависти, рвения, гордыни (см. Иак. 3, 11, 15). Кротости, любви, назидательного смирения нет в этой премудрости: она многоголова и велеречива, обильна знанием человеческим

и бесовским, преисполнена самообольщения, и обольщает внимающих ей. Она не может быть иною, потому что помыслы — чуждого благодати Божией — еретика находятся под постоянным насилием и руководством падших духов. Это непонятно и невероятно для многих; таковые пусть услышат определение духоносного мужа, который сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, только во Христе Иисусе и Святом Духе».*

Помышление, слово, дело, чтобы быть достойными Господа, должны быть помазаны благодатию Святого Духа; те же помышления, слова и дела, которые не имеют сего помазания, принадлежат ветхому человеку и мерзостны Богу, как бы ни казались по наружности своей, пред судом мира, мудрыми и добрыми.

Состояние отчуждения от Бога, состояние самообольщения, омрачения ума, движение сильнейших страстей было всегда состоянием еретиков, особливо ересиархов. Обыкновенно они были преданы различным страстям. Евтихий был крайне корыстолюбив, и, вопреки обету иноческого нестяжания, накопил значительные деньги. Аполлинарий и в старости своей имел наложницу. Арий написал «Галию» — сочинение в стихах, до нас не дошедшее, исполненное бесстыдного разврата. Это сочинение начали было читать на Первом Никейском Соборе, но Отцы Собора отказались слушать его, так оно было срамно, и предали огню экземпляр, им представленный.

Таковы произведения и новейших еретиков. Они исполнены адского кощунства, дерзких, ложных умствований, страшного бесстыдства и разврата. Понятие, которое дается о них здесь, еще очень слабо пред понятием, которое получается о них от чтения их писаний. Не может прийти на ум обыкно-

* «Слово о Законе Духовном» преподобного Марка Подвижника. Гл. 2.

венного человека то, что произнесли и написали ересиархи. Впрочем, все сочинения еретиков составлены под влиянием духов и заключают в себе нравственный яд, убивающий душу вечною смертию. Догматические книги их непременно содержат ложные догматы и хулу на догматы, преподанные Святой Церкви Святым Духом; их книги о подвижничестве, хотя по наружности и представляются преподающими учение о высочайших добродетелях и состояниях христианских, но в сущности суть плоды и выражение самообольщения и бесовской прелести, непонятной для толпы. Их нравственные писатели преподают нравственность, свойственную ветхому Адаму, так как они о ней только имеют понятие, а отнюдь не нравственность христианскую, вполне недоступную для их ума и сердца. Романы, комедии и прочие сочинения, явно греховные, исполненные сладострастия, также суть плоды ереси. Некоторые из таких сочинений написаны духовными лицами, как, например, «Телемак» написан Фенелоном. Чтение всех этих книг крайне вредно, хотя для неопытных глаз в одних из них яд приметен, а в других очень скрыт. Неприметность яда не уменьшает его силы: напротив того, утонченные яды действуют с особенною разрушительностью.

Чтение догматической, особливо подвижнической еретической книги возбуждает нередко блудные помыслы, а чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры. Нечистые духи и грехи имеют сродство между собою: добровольно подчиняющийся одному греху невольно и по необходимости подчиняется влиянию другого, по причине сродства лукавых духов и страстей. Опыт доказывает, что к ереси и безбожию люди перешли наиболее из развратной жизни, и наоборот, ересь всегда влечет за собою

расстройство нравственности по причине сродства грехов между собою.

Первоначальное действие всех еретических книг состоит в возбуждении помыслов сомнений о вере: «Охраняйся, — сказал святой Исаак Сирский, — чтобы не прочесть догматов еретических, ибо это более всего вооружает на тебя духа хулы».*

Действуют ли в ком хульные помыслы? Поколебался ли кто в доверенности к Православной Церкви, которая одна есть истинная Христова Церковь? Сделался ли кто универсальным христианином, принадлежащим, по своему сердечному убеждению, или правильнее, по своему совершенному неведению христианства, одинаково ко всем исповеданиям, и потому не принадлежащим ни к какому? Знай, что он приведен к этому состоянию чтением еретических книг или беседами с зараженными этим чтением.

Люди, преданные сладострастию, с особенною охотою читают еретические книги о христианском подвижничестве и совершенстве, а нравственных книг Православной Церкви чуждаются и отверщаются. Какая тому причина? Сходство в настроении духа. Эти люди находят наслаждение в чтении книги, написанной из мечтательности и самосмышления, приправленной утонченным сладострастием, тщеславием, высокоумием, которые кажутся благодатию умам и сердцам, не очищенным истинным учением Христовым. Православные книги призывают к покаянию и оставлению греховной жизни, к самоотвержению, к самоосуждению и смирению, чего именно сын мира и не желает.

Идолопоклонство и всякого рода явное отвержение Бога можно уподобить открытому яду; от не-

* Слово 56.

го всякий удобно может остеречься. Ересь можно уподобить пище, имеющей по наружности прекрасный вид, но отравленной ядом: такая пища — тот же яд, от которого уже трудно остеречься как потому, что яд замаскирован, так и потому, что прекрасный вид и благоухание пищи возбуждают в человеке естественное его желание насытиться и насладиться пищею. Ересь всегда сопутствуется лицемерством и притворством; она многоглаголива, велеречива, обильно ученостию человеческою: и потому удобно привлекает к себе людей и уловляет их в погибель. Несравненно более людей уловлены в вечную смерть посредством ереси, нежели посредством прямого отвержения Христа.

4

О расколе

Расколом называется нарушение полного единения со Святою Церковью, с точным сохранением, однако, истинного учения о догматах и Таинствах. Нарушение единения в догматах и Таинствах — уже ересь.

Собственно раскольническими церквами могут быть названы в России только единоверческие церкви и церкви, находящиеся в ведомстве главных священников (бывших обер-священников). Первые отличаются в некоторых обрядах, что не имеет никакого влияния на сущность христианства, а вторые не имеют над собою епископа, вопреки церковным правилам.

К образованию первых послужило отчасти невежество, приписывающее некоторым обрядам и обычаям более важности, нежели сколько эти обряды имеют; а к образованию вторых послужило протестантское направление некоторых частных лиц.

В первых церквях заметен избыток набожности, доходящий до суеверия и лицемерства, а во вторых — избыток вольности, доходящий до крайнего небрежения и холодности. Когда христианин обратит все внимание свое на наружные обряды, то непременно он оставляет без внимания существенную часть христианства: очищение внутренних сосудов, следовательно, лишается всего духовного преуспеяния и истекающего из этого преуспеяния истинного познания Христа, то есть делается чужд истинного христианства. Когда же, напротив того, христианин к вере холоден и ее наружные обряды совершает с небрежением, то этим удаляет от себя Бога, Который желает, чтобы Его служители служили Ему со страхом и трепетом, и делается безбожником и еретиком.

Прочие раскольники в России должны быть признаны вместе и еретиками: они отвергли Таинства Церкви, заменив их своими чудовищными изобретениями; они уклонились во многом от существенного христианского вероучения и нравоучения; они совершенно отреклись от Церкви.

Впрочем, не должно обвинять во всем раскольников. Западное просвещение так сильно нахлынуло в Россию, что оно вторглось и в Церковь, нарушило ее восточный православный характер, хотя нарушило его в предметах, нисколько не касающихся сущности христианства. Эти нарушения восточного православного характера соблазняют раскольников, огорчают сынов Церкви, основательно изучивших христианство. Эти нарушения так мелочны, что могут быть весьма скоро устранены. Россия уже не повинется и не подражает слепо Европе; она подвергает западную образованность благоразумной критике; она желает явиться в обществе европейских государств в собственном своем характере, а не в характере, взятом на время заимобразно, напрокат. К до-

стижению этого она уже делает попытки, на которые мы сейчас укажем.

Все русские поняли, что итальянские картины не могут быть святыми иконами. Между тем итальянская живопись взошла почти во все православные русские храмы со времен преобразования России на европейский лад. Эта живопись соблазняет раскольника, огорчает истинно православного; она — западный струп на православном храме. С кого итальянские живописцы писали изображения святейших жен? Со своих любовниц. Знаменитые Мадонны Рафаэля выражают самое утонченное сладострастие. Известно, что Рафаэль был развратнейший человек, желал выразить идеал, который действовал бы на него наиболее сильно, и нередко кидал кисть, чтобы кинуться в объятия предстоявшей ему натурщицы. Другие живописцы, которых талант был грубее, нежели талант Рафаэля, выражали сладострастие на своих мнимых иконах гораздо ярче; иные выразили уже не одно сладострастие, но и бесстыдство, неблагопристойность.

Иконы некоторых святых мужей списаны с женщин, как, например, знаменитое изображение Иоанна Богослова, написанное Доминикенем. Иконы некоторых мучеников итальянские любострастные живописцы написали со своих товарищей разврата, после ночи или ночей, проведенных ими беспорядочно, когда это поведение напечатлелось на изнуренных их лицах. Все движения, все позы, все физиономии на итальянских картинах, или вообще на картинах, написанных западными еретиками и изображающих священные предметы,— чувственны, страстны, притворны, театральны; ничего в них нет святого, духовного; так и видно, что живописцы были люди вполне плотские, не имевшие ни малейшего понятия о состоянии духовном, никакого сочувствия к

нему, и потому не имевшие никакой возможности изобразить человека духовного живописью.

Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углубленного в свою молитву святого мужа, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, все тело его,— они сочиняют в невежественном воображении своем произвольную, невежественную мечту, сообразно этой мечте устанавливают натурщика или натурщицу,— и отличная кисть изображает на полотне совершенную нелепость так, как красноречивейший оратор по необходимости должен был произнести самую бестолковую речь, если бы заставили его говорить о предмете, вовсе не известном ему. Воспитанники русской Академии художеств образовались по образцам западным и наполнили храмы иконами, вполне не достойными имени икон. Если бы эти иконы, перед которыми опускаются долу взоры целомудренные, не стояли в храме, то никто и не подумал бы, что им приписывается достоинство икон.

Светский человек, насмотревшийся на все и имеющий обширную опытность, не может себе представить того действия, которое такие изображения имеют на девственную природу. Некоторый старец, проводивший в пустыне возвышенную монашескую жизнь, должен был по некоторым обстоятельствам приехать в Петербург. Здесь он был приглашен однажды вечером набожною старушкою-дамою для духовной беседы. В это время дочери старушки одевались, чтобы ехать на бал. Одевшись, или, правильнее, обнажившись по требованию современной моды, они пришли к маменьке, чтоб поцеловать ее ручку и сесть в карету. Старец, увидав невиданное им никогда в жизни — девиц, бесстыдно обнажившихся по уставу Запада, по уставу ереси и язычества,— пришел в ужас. Он уверял, что после виденного им со-

блазна уже не нужно являться самому диаволу для соблазна. Каково же видеть такому девственному оку подобное изображение на иконе, изображение, возбуждающее не молитву, а самые нечистые страсти.

Несвойственность итальянской живописи для икон уже теперь очевидна и признана. Но, к сожалению, современная мода устремилась к другой крайности: к подражанию старинной русской иконописи со всеми ее неправильностями и с присовокуплением разных несообразностей новейшего изобретения. Здесь новый повод к соблазну. Пред такую икону не соблазняется раскольник, не могущий отличить правильного рисунка от неправильного,— соблазняется перед нею легкомысленное чадо новейшего прогресса. Видя уродливость изображений на иконе, это чадо соблазняется, смеется, кощунствует. Его поверхностное образование и просвещение не дают ему возможности отделить в Церкви установлений святых и Божественных от того разнообразного сора, который в различные времена вносился в Церковь немощию, ограниченностию, греховностию человеческою, сообразно духу века. Это чадо новейшего прогресса, чуждое здравого смысла, видя недостаток, внесенный в Церковь человеческою немощию, тотчас колеблется в доверии к самой Церкви, начинает осуждать ее, делается чуждым ее.

Сколько вредно соблазнять раскольников, столько вредно соблазнять и современное поколение; сколько нужно снисходить немощи раскольников, столько необходимо снисходить и немощи питомцев новейшего прогресса. *Не подавайте соблазна* (1 Кор. 10, 32),— сказал святой апостол Павел иудеям и эллинам.

В наше время искусство живописи достигло высокой степени усовершенствования. Живописец,

желающий писать иконы, достойные Божия храма и назидательные для христиан, имеет для сего наибольшие средства, чем когда-либо; но должен непременно проводить жизнь самую благочестивую, чтобы стяжать опытное познание духовных состояний, должен быть знаком в особенности с благочестивыми иноками, чтобы на лицах их усмотреть то глубокое спокойствие, тот отпечаток небесного тихого радования, ту младенческую простоту, которые являются на этих лицах от тщательной молитвы и от других благочестивых занятий.

Пусть он всмотрится в естественность их движений, в отсутствие в них всего сочиненного, всего придуманного. Правильность рисунка необходима для иконы; притом нужно изображать святых свято, такими, какими они были, простыми, спокойными, радостными, смиренными, в таких одеждах, какие они носили, в положениях и движениях самых скромных, исполненных благоговения, основательности, страха Божия.

Изображению святого должны быть чужды изысканная поза, движение, изображающее восторженность, положение лица романическое, сентиментальное, с открытым ртом, с закинутою кверху головою или с сильно устремленными кверху глазами. Последнее положение, к которому обыкновенно прибегают для изображения молитвенного состояния, именно и воспрещается иметь при молитве святыми Отцами. Также не должно изображать святых жен и дев с опущенными книзу глазами: дева начинает тогда опускать вниз глаза, когда явится в ней ощущение греховное; в невинности своей она глядит прямо.

Также начинают многие понимать, что итальянское пение не идет для православного богослужения. Оно нахлынуло к нам с Запада, и несколько де-

сятилетий тому назад было в особенном употреблении. Причастный стих был заменен концертом, наминавшим оперу. Ухо светского человека, предающегося развлечениям и увеселениям, не поражается так сильно этою несообразностию, как ухо благочестивого человека, проводящего серьезную жизнь, много рассуждающего о своем спасении и о христианстве как о средстве к спасению, желающего от всей души, чтобы это средство сохранялось во всей чистоте своей и силе, как сокровище величайшей важности, как наследство, самое драгоценное для детей и внуков.

Надо знать, что в России вся масса народа проводит жизнь самую серьезную, будучи поставлена в необходимость проводить такую жизнь обстоятельствами. Жизнь развлеченную, веселую, в сфере современного прогресса, могут проводить весьма немногие, потому что для такой жизни нужны достаточные материальные средства. Веселящиеся на земле не должны судить о прочих человеках, как они обыкновенно это делают, по себе. Для того чтобы один веселился, часто тысяча и тысячи должны нести тягчайший труд, проливать горькие слезы и кровавый пот. Как мысли и чувства этих тысяч могут быть одинаковы с веселящеюся единицею? Страдания и плач есть достояние падшего человека на земле, как научает нас Евангелие, и этот падший и погибший человек приходит в церковь Божию излить пред Богом именно горестные чувствования свои, раскрыть пред Богом бедственное состояние свое.

Большая часть молитв, поемых и читаемых в церкви, выражают прошения погибшего о помиловании, развивают понятие о гибели человечества, показывают ее многообразные оттенки и признаки, заключают в себе исповедание человеческого падения вообще и исчисление частных падений. Они

переходят по временам к славословию Бога, к радостному хвалению действий Искупителя и искупления: но и это славословие и эти хвалы произносятся узниками, заключенными в темнице, получившими надежду на освобождение, но еще не получившими освобождения. Радость, производимая надеждою спасения нашего, по необходимости соединена в нас со скорбным ощущением греховного плена.

Весьма справедливо святые Отцы называют наши духовные ощущения «радостопечалием». Это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквях. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от пристального зрения на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства — очевиден; но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в страданиях, борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию со своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении Православной Церкви.

Придворное пение (здесь указываю наиболее на обедню; впрочем, «Господи, помилуй», поемое на Литургии, уже поется и на всех церковных последованиях), ныне восшедшее во всеобщее употребление в православных церквях, необыкновенно холодно, безжизненно, какое-то легкомысленное, срочное! Сочинения новейших композиторов выражают настроение их духа, настроение западное, земное, душевное, страстное или холодное, чуждое ощущения духовного.

Некоторые, заметив, что западный элемент пения никак не может быть согласен с духом Православной Церкви, справедливо признав знаменитые сочинения Бортнянского сладострастными и романтическими, захотели помочь делу. Они переложили, с сохранением всех правил контрапункта, знаменный напев на четыре голоса. Удовлетворил ли труд их требованию Церкви, требованию ее духа? Мы обязаны дать отрицательный ответ. Знаменный напев написан так, чтобы петь одну ноту, а не по началам (*partheses*), сколько бы певцов ни пели ее, начиная с одного певца. Этот напев должен оставаться неприкосновенным: переложение его есть непременно искажение его.

Такой вывод необходим по начальной причине: он оправдывается и самим опытом. Несмотря на правильность переложения, канон Пасхи утратил свой характер торжественной радости и получил характер печальный: это уже не восторг, произведенный воскресением всего рода человеческого во Христе, это — плач надгробный.

Изменение характера, хотя и не так чувствительное, заметно во всех переложениях знаменного напева и других церковных древних напевов. В некоторые переложения трудившиеся в них внесли свой характер, уничтожив совершенно церковный характер: в них слышна военная музыка, как, например, в «Благослови, душе моя, Господа», коим начинается всенощная. Отчего так? Оттого, что переложение совершалось под руководством военного человека, человека вполне светского, образовавшего свой вкус по музыке антицерковной, вносящего поневоле, по естественной необходимости свой элемент в элемент чисто церковный знаменного напева. Знаменный напев должен оставаться неприкосновенным: неудачное переложение его знатоками музыки доказало

эту истину. От всякого переложения характер его должен исказиться.

Старинную икону не должно покрывать новыми красками, оставляя неприкосновенным ее рисунок: это было бы искажением ее. Никакой благоразумный человек, знающий отлично иностранные языки, не решится на перевод с них математической книги, не зная математики. Отчего же не придерживаться того же благоразумия относительно церковного пения тем знатокам музыки, которые чужды благодатного духа церковного, даруемого Богом за глубоко благочестивую жизнь. Таково суждение не какого-либо частного человека, таково суждение Православной Церкви. Святой Дух возвестил, что песнь Господня не может быть воспета *на земле чужой* (Пс. 136. 4).

Не способен к этой песни не только сын мира, но и тот глубоко благочестивый христианин, который не освободил еще от ига страстей своего сердца, которого сердце еще не свободно, еще не принадлежит ему, как порабощенное грехом. Не способен еще к тому тот, кто на поприще христианского подвижничества, *весь день сетуя ходит* (Пс. 37, 7), то есть находится еще в постоянном созерцании греха своего и в плаче о нем, во внутренней клетке которого еще не раздался глас радования, радующийся в духовных селениях праведников. Кто же способен воспеть песнь Господню? В чьей душе она может родиться в утешение и наслаждение той душе, в утешение и наслаждение всей Православной Церкви?*

* Печатается по изданию: Богословские труды, сборник 32. М. 1996.